

ВЕК **XX** И МИР

■ СТАТЬИ ■ ■ ЭССЭ ■ ■ ИНТЕРВЬЮ ■

В НОМЕРЕ:

БОЛЬШИЕ ХОЛОДА

Демократия в поисках повелителя

ОТ ГОЛОДА ДО ГОЛОДА

Западный опыт спасения России

РЕМЕСЛО БЕЗ ДОХОДА

История как образ мыслей

ISSN 0320 6001

2/91

В НОМЕРЕ:

Почта

«УВАЖАЕМАЯ РЕДАКЦИЯ...» 2

Большая тема

Л. РАДЗИХОВСКИЙ. КОНЧЕНО 7

МИР МИРОВ

Джереми Р. АЗРАЭЛ. ДЕЗИНТЕГРАЦИЯ СССР И АМЕРИКАНСКАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА 11

История этих дней

А. ГЛЕБОВА. БЕРЕМЕННЫЕ ЖЕНЩИНЫ, ГНЕВНЫЕ МУЖЧИНЫ, ОБЩИЙ ПАТРИОТИЧЕСКИЙ ПОРЫВ 18

С. ШТЕХЕР. ЕДИНАЯ КРОВЬ 23

Альтернативы

Д. ЕФИМОВ. ЗИМА ИДЕТ 26

А. ЯНОВ. «ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ» 31

Что было, то было

М. МЕЙЕР. ДРУГОЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ 34

Полемика сквозь конверт

БЫЛ ЛИ МАЯКОВСКИЙ? — ИСКУССТВО ЗАБЫВАТЬ — ВЫБЕРЕМ НОЧЬ ПОТЕМНЕЕ... 43

Конец века

А. КОВЕЛЬМАН. ИСТОРИК, ИЛИ СОБАЧЬЕ РЕМЕСЛО 48

Куда?

Л. САРАСКИНА, А. КАБАКОВ. ДУРАК ОШИБАЕТСЯ ДВАЖДЫ 52

Слово за читателем

ДИАГНОЗ — РЕЦЕПТ — НАЧАЛО 62

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

«Уважаемая редакция...»

Нужна ли России интеллигенция?

Взаимоотношения между Властью и интеллигенцией в России всегда напоминали неудачный брачный союз, где много страстей, но по большей части дурного свойства.

Власть всегда действовала (и действует) с обычной мужской бесцеремонностью — когда нужна в партнере становится особенно нестерпимой (нужна, например, новая бомба или проект очередных реформ), необходимую степень сотрудничества покупали (и покупают) грубой лестью и ценными подарками — дачи, привилегии, оклады, звания и пр. Когда желаемое получено, то в приступе обычной посткопуляционной безразличности постыдную дуру отсылали, и нередко — в ГУЛАГ. И чем чаще она (интеллигенция) давала стране новые машины, теории, формулы, симфонии и самолеты, тем менее власти ее уважали. Зато от связей с иноземными властями берегли сурово и за измену карали с особой жестокостью.

Естественная реакция любого нормального интеллигента всегда состояла в беспощадной критике нелепых, гнусных действий властей вообще и «органов» в частности. Гневные и горькие речи произносились, по большей части, на кухне, за стаканом чая или водки, в узком кругу крепостных интеллектуалов. Лишь немногие решались открыто нарушить молчание и лишиться тем самым, пусть

убогого, но все же привычного и уютного благополучия. Тогда на тех же кухнях писались бумаги, горячее слово обретало плоть, а в темных, дурнопахнущих углах и закоулках возникали неясные фигуры — предвестники неизбежной кары. Но чисто женская вера в то, что «он поймет, как я права, покается, я его прощу, и мы будем снова вместе, и все будет по-другому», — никогда до конца не умирала в сердцах даже самых отчаянных диссидентов. Отсюда бесконечные Послания правителям, Обращения, Меморандумы и т. п. И это — лучшие. Что же говорить об остальных.

В результате всего сформировалось удивительное существо — советский интеллигент, циничный и в то же время совершенно непрактичный бесребренник (босьяк), склонный к пространному рассуждению на моральные и прочие темы, но в глубине души твердо уверенный в убеждающей силе кнута и «железной руки».

Нельзя к тому же забывать, что во всякой семейной ссоре неизбежно присутствует третья сторона — дети, то есть «народ», который с огромным вниманием, но без понимания сути происходящего, вслушивается в потоки взаимных оскорблений и обид. Каждая из сторон пытается, по мере возможности, перетянуть «народ» на свою сторону, стать наставником и

руководителем, убедить доступными для понимания словесными и смысловыми клише в собственной правоте и в преступных намерениях оппонента. Временами это кое-кому удается, и тогда получается либо погром, либо революция...

Теперь крепостных работников должны сменить социально независимые наемные служащие. Советские или, лучше сказать, бывшие советские интеллектуалы должны получить возможность совершенно свободно наниматься на службу в любых странах, где в их услугах кто-то нуждается, а наши отечественные власти должны получить возможность использовать (и оплачивать) интеллектуальные услуги западных специалистов. Равная оплата за равный труд и здоровая конкуренция обеспечат обществу наилучшие результаты, а некоторая материальная независимость превратит болезненную интимную связь Власти с интеллигенцией в менее эмоциональное, но более плодотворное партнерство.

«Утечка мозгов», которая может случиться, если границы действительно откроют,— не беда, а великое благо! Только совместив печальный опыт с условиями западной жизни, отечественная интеллигенция, хоть

до некоторой степени, излечится от бездеятельного цинизма, от слепой веры в силу, от постоянного стремления образовывать (даже в естественных науках!) мафиозные семейства и кланы. Общество только выиграет, если благодаря западным заработкам социальный престиж кандидата наук окажется выше, чем у рэкетира или проститутки: приток умных и деятельных молодых людей в интеллектуальные сферы деятельности быстро восполнит все возможные потери от «утечки».

Без интеллектуалов Россия не останется, а вот интеллигенция в ее прежнем значении исчезнет, когда исчезнет ее вечный партнер-противник — всепроникающая, всенаправляющая авторитарно-тоталитарная власть.

Тысячелетнее противостояние депотизму, начатое «Словом» Даниила Заточника, если не совсем закончится, то, во всяком случае, потеряет композиционную стройность.

Жалко, но честно говоря,— Слава Богу.

Павел ФЕЛЬГЕНГАУЭР,
биолог,
г. Москва.

Стань сильнее твоего врага

Некоторые публикации «Века» вызывают удивление. Их авторы потеряли чувство реальности. Они то поднимаются в заоблачные высоты философии, то углубляются в психологический анализ. Занятие это приятное, даже высокоинтеллектуальное, но мало связанное с нелегкой действительностью. Оглянитесь вокруг себя! В стране идет политическая борьба, которая определит ее будущее по меньшей мере на целое столетие.

Ведущий борьбу обязан подчиняться ее законам. Иначе — поражение. В случае торжества враждебных

демократии сил многие интеллектуалы не успеют даже добраться до Шереметьева-2. Но не о них речь. Думать надо о миллионах, будущее которых зависит от исхода идущей здесь и сейчас схватки, за право читать, мыслить и говорить свободно, за элементарную сытость. Они думают о судьбах своих детей и не хотят, чтобы их страна превратилась в объект нового эксперимента, поучительного для человечества.

У нас до сих пор нет ни уважения к личности и собственности, ни честного мелкого бизнеса, ни фермерства,

ни простого полицейского порядка. Миллионы наших сограждан живут в выдуманном мире, являясь полудетьми-полузверьми. Между тем, многие авторы вашего журнала пишут так, как будто они живут в Лондоне, Париже или Стокгольме. Но мы находимся в других географических и историко-культурных координатах. К сожалению, между цивилизованными странами и нашим Отечеством — пропасть. На это и делают ставку «необольшевики» и «почвенники». И те и другие вполне могут победить. Не время для «игры в бисер».

Побеждают не склонные к самокопанию и самобичеванию, а уверен-

ные в себе и своей правоте. Судьба демократии определяется силой и твердостью политического Центра. Все страны Запада остаются демократическими лишь потому, что центр сильнее левых и правых экстремистов вместе взятых. Задача интеллектуалов сегодня — создавать идеологию демократического централизма на основах свободы, рынка и парламентаризма. Нашей интеллигенции нужны не колебания, а сила и самоуважение.

**Н. ЛУКИН,
г. Москва.**

Сопrotивление насилию

Ассоциация «Сопrotивление насилию» является независимым пацифистским движением за установление мира и доверия между странами и гражданского мира внутри страны. Ассоциация не принимает участия в борьбе за власть (не выдвигает кандидатов на выборах в государственные органы). Целью нашего движения является изменение сознания людей в сторону миролюбивого отношения к иным человеческим сообществам — народам, нациям, социальным группам; развитие контактов и сотрудничества между людьми разных стран; разрушение барьеров тоталитаризма, препятствующих таким контактам; развитие правозащитного движения. Для достижения поставленных целей мы считаем приемлемыми методы агитации и пропаганды, и в случае необходимости, гражданского неповиновения. По нашему мнению, такая необходимость уже существует; мы призываем всех людей, разделяющих наши взгляды,

выступить, в частности, против института прописки и обязательной воинской повинности. Любую же акцию, нарушающую права человека, даже возведенную в ранг закона, мы рассматриваем как преступление против человеческой сущности. Мы требуем признания принципа ненасилия от всех политических сил, и в первую очередь, от государства.

В качестве основы для человеческого образа жизни мы принимаем такое правовое пространство, в котором:

1. Безусловно соблюдаются положения Всеобщей Декларации Прав Человека;

2. Законодательная система построена так, что уголовно-наказуемыми могут являться только действия, непосредственным образом нарушающие права других людей;

3. Отменена смертная казнь;

4. Нет принудительного обучения военному делу;

5. Всем обеспечено беспрепятственное перемещение внутри страны и выезд за ее пределы.

Для обеспечения гарантии мира и установления доверия мы считаем необходимым развитие по пути к обществу, интегрированному на основе федерализма, то есть союза государств, национальных сообществ и других формирований. При этом только соблюдение прав каждого человека и их верховенство над любыми формами коллективных прав поз-

воляет надеяться на мирное и ненасильственное развитие.

**Николай Штромберг,
Дмитрий Мадигожин,
Мурат Юлдашев,
Владимир Яковлев,
Игорь Чанышев,
Александр Гольдберг,
Ассоциация «Сопроотивление
насилию».
48082 Алма-Ата—82,
ул. Ленина 16—39,
тел. 670289.**

Кому свободу?

Нам кажется, что старый мир рушится только для того, чтобы утвердился новый идеал. Но слишком многие предъявляют к прошлому подобные претензии. Среди тех, кто числит себя в оппозиции к ушедшим десятилетиям, и «Память», и коммунисты-марксисты, и народные фронты, и эсдеки, и либералы, и сама КПСС. И все, почти все,— «за свободу, рынок и демократию». Каждый утверждает себя, низвергая врага в прошлом и преследуя его наследников в настоящем.

В этой обстановке пока неясно, каким же окажется пресловутое соотношение между целью и средствами, иерархия таких ценностей, как индивидуальная свобода, рынок, демократия, национально-государственный суверенитет, единое и неделимое государство. Выбор еще не ясен самим представителям политических обществ движений. Но рано или поздно он должен быть сделан.

В наиболее активных в политическом отношении областях Союза он уже осуществляется, причем не в пользу демократии, хотя и под демократическими лозунгами.

Речь идет о развале империи. Русские демократы видят в национальных движениях черты «освободительных», разрушающих Союз, ведущих к разгосударствлению, к де бюрократизации. Империя рушится, но одно-

ременно в отдельных ее регионах государство возводится в разряд антимифа, в воплощение местных национальных чаяний. Одряхлевшее, исчерпавшее на почве Союза все источники дальнейшего развития, государство обретет новую силу в виде государств национальных. На смену идее единой державы приходит идея национального суверенитета, призванная воплотить единство нации и территории, национального государства и экономической эффективности. По сути, эта добуржуазная идея, соединяясь с комплексом национальной неполноценности, окрашивается в коричневый цвет.

Империя рушится. Но похоже на смену большой империи приходят маленькие деспотии со своими большими шовинизмами, органами насилия над инакомыслящими и инакоговорящими. Эскалация гонки вооружения в Закавказье, национальные приоритеты прибалтийских движений, введение политической полиции в Молдове — подтверждение тому. Чтобы быть империей зла, необязательно занимать шестую часть суши — можно быть и мелкой хунтой.

Пример с национальными движениями наглядно демонстрирует не только то, как под сенью мифа о политическом и экономическом плюрализме торжествует политоталитаризм, но и то, что такому тор-

жеству содействуют сами демократы, закрывающие глаза на антидемократические тенденции только потому, что национальные движения облегчают борьбу с так называемой Системой.

История власти уже насчитывает тысячелетия. Борьба с ней шла по ее же правилам. Государство рождало только государство, а насилие только насилие, а власть — только власть. Борьба за свободу всегда оборачивалась борьбой за «трон» именно потому, что катастрофическое отчуждение власти от тех, над кем она осуществляется, заставляло видеть выход в ее присвоении.

Но есть иная стезя — не путь государства, наций или классов, а путь личностей. Он видится в присвоении не власти, а мира, уступленного ею. Если же этого мира оказывается слишком мало, а власти слишком много, то наступление на власть должно продолжаться бесконечно! Форма наступления может быть индивидуальной, групповой, но она не должна вбирать в себя зачатки насилия, жестокой иерархии подчинения. Ныне наиболее четко эта стратегия формулируется в концепциях анархизма, решительно выходящих на авансцену переломного периода.

Нынешний анархизм возникает в достаточно непривычной форме. Прежде всего он порывает с утопией и превращается из политического течения в этику отрицания власти как субъекта освобождения. И хотя советские анархисты часто называют себя организацией политической, отрицание ориентации на захват власти делает их движение не политическим, а антиполитическим, сближающимся с новыми альтернативными движениями современности.

Анархизм как антиполитика и как этика повседневно утверждения свободы — один из эффективных путей сопротивления власти и выработки определенного иммунитета к ее воздействию. Например, молодежные бунты конца 60-х годов, прошедшие под непосредственным интеллектуальным влиянием анархических теорий неинтегрирования в систему, выпестовали такой тип западного обывателя, которому уже не страшны сюрпризы власти. И последней приходится считаться с обывателем такого рода. Поэтому революция для анархистов — это не политическая революция, а революция ценностей, среди которых наивысшими являются ценности человеческой жизни и свободы личности. Ни родина, ни государство, ни нация, ни экономическая эффективность не должны быть мерилом этих ценностей. Одно воспоминание о той крови, которой заплачено за перестройку, убеждает в том, что эти ценности находятся в непосредственной опасности и отстаивание их актуально, как и прежде.

Настоящее анархии скромно. Перспективы ее туманны. Но пока она оказывается единственным средством осознания близости свободы. Обращение перспективы освобождения из завтрашнего дня в настоящее, быть может, создаст традицию, которая, наконец, разрушит непрерывную цепь мифов о хорошей власти и сосредоточит поиски свободы в кратких границах единственной и неповторимой человеческой жизни.

Марк ТКАЧУК,
аспирант,
г. Кишинев.

КОНЧЕНО

Леонид РАДЗИХОВСКИЙ

Выступая в Париже при подписании общеевропейских документов, Горбачев сказал, что заканчивается холодная война. Это правда. Но он не сказал, что война — как и должно быть — заканчивается поражением и даже исчезновением одной из сторон. И нет нужды уточнять — какой именно...

1.

Перестройка означала крах имперской идеологии, ксенофобии, бессмысленного и злобного страха перед Западом — всей той лжи, на которой держался СССР и весь социалистический лагерь. И «жизнь не по лжи», естественно, началась с распада всей имперской системы. Можно ли считать такой распад, добровольный отказ от абсурда и лжи, признание реальности — успехом внешней политики? Думаю, что нет. Ведь политический успех — это умение выторговать для своей страны максимальную выгоду. А этого-то и не произошло.

Да, от безумия военной гонки надо было отказаться. Но поскольку эта гонка, поскольку весь советский монстр страшил и США, и Европу, то за избавление от страха следовало снять большой «куш» (займы, открытие инфраструктур и технологий и т. д.). Вся эта торговля — собственно и составляющая предмет внешней по-

литики — не была проведена. Фактически даром были сделаны крупнейшие «уступки» — уступки здравому смыслу, но уступки, выгодные прежде всего Западу. И единственной платой за полное разрушение внешнего пояса империи (ликвидация соцлагеря, СЭВ, ГДР и практическая ликвидация Варшавского Договора) стала почти патологическая любовь Запада лично к Горбачеву, завершившаяся присуждением ему Нобелевской премии.

Итак, тот капитал страха, который имел СССР, растрачен; но обменен не на реальные выгоды для нового СССР, а только на личный «авторитет любви» Запада к Горбачеву — человеку, который сделал для Запада, разумеется, на порядок больше, чем любой западный лидер: ликвидировал советскую империю бесплатно!

2.

С утратой внешнего величия империи Горбачев поэтому смирился легко. Но вот к чему он совершенно не был готов, это к развалу империи изнутри.

Ложь, страх перед Западом, военный психоз — это был единственный цемент, сдерживавший все здание, всю вечно падающую советскую башню. Только сумасшедшая идеология

оправдывала сумасшедшую жизнь. Идеология исчезла — безумие жизни заорало о себе.

Вслед за внешним поясом начало распадаться само тело империи. Сейчас мы переживаем отход самых слабых звеньев, присоединенных в последнюю очередь: Прибалтика, Грузия, видимо, Молдова. Но ясно, что на честном слове держатся практически все «союзные республики». В особом положении находится только Россия.

Резкая разница в отношении Центра к России и к другим республикам абсолютно очевидна, бросается в глаза. Менее очевидны ее причины.

Дело в том, что после исчезновения ксенофобии и резкого ослабления как имперского синдрома, так и почтения к «социалистическим ценностям», единственно реальной идеологией в стране остался самый махровый, затхлый национализм. И Горбачев, осторожный, холодный мастер компромиссов, теряется, столкнувшись с волной слепых эмоций. Он отлично знает, что такие эмоции сегодня могут быть только национальными, и боится прикоснуться к этим точкам. Тут даже неважно — заденешь ты национальные чувства народа в десятки миллионов или в десятки тысяч человек. Ведь и десяток тысяч — не расстреляешь, не арестуешь — с ними просто ничего не поделаешь, коли уж закусят удила. Поэтому он критикует национализм «вообще» и пуще всего боится хоть прямо, хоть косвенно тронуть любую живую национальную шишку, вечно больную, обиженную. Фактически с республиками (вернее, с местной бюрократией) заключено негласное соглашение: Центр вас не трогает, а вы оказывайте внешние знаки почтения и, главное, не выходите из состава Союза. Ведь и находясь в нем, вы почти все можете.

Единственная республика, где Гор-

бачев не боится задевать руководство, Верховный Совет, не оскорбляя национальные чувства, — это Россия! Оно и понятно: сам русский (как и вся его команда) не может же он обидеть национальные чувства русских! Поэтому руки в отношении России у него развязаны, и он ведет борьбу за Россию, отлично понимая: кто владеет Россией, владеет Союзом.

3.

Но все эти расчеты, очевидно, слеплены из вчерашнего снега. И по мере того, как он подтаивает, они обращаются в лужу...

В самом деле — раз республики со своими суверенитетами отходят, все больше обнажается голый ствол, косяк империи — Россия. И даже чисто формально она не может согласиться со своей дискриминацией и потому, уравнивая себя в правах, должна принять все документы относительно суверенитета. А сказано — сделано: надо добиваться уважения и реализации своих прав. Реализация же их Россией — смерть империи. И этого мало. Процесс остановить нельзя. Зачем России Союз? А зачем Якутии с ее золотом и Тюмени с ее нефтью — сама Россия? Если лоскутная империя начала распыляться, процесс дойдет «до дна» — до распада самой России. Вспомним школьную карту — «советская республика в кольце фронтов 19-го года». Ничего не напоминает? Это здорово похоже на феодально-раздробленную средневековую Россию. В особенности же близки большевистская республика с центром в Москве и Московское княжество после Ивана Калиты. Кажется, будто в минуту испытания российской империя испуганно свернулась калачиком вокруг Москвы, сжалась, как плод в утробе, вернулась к

своему зародышевому состоянию. Зато как только появилась возможность — пружина разжалась, и в считанные месяцы 1919—20-х годов вновь охватила почти все свое изначальное пространство. Не ожидает ли нас что-то похожее и сегодня? Только вот, в каком смысле «похожее»? В смысле сжатия или в смысле последующего разжатия и восстановления империи заново?

Все эти вопросы гигантские, исторические. Но история, как мы с изумлением убеждаемся, делается не на Олимпе, а в переполненном метро. Сегодня мы так же бессильны ответить на вопрос, что движет историей, как бессильны были ответить на него древние греки. Поэтому при обсуждении почти космических перемен в судьбе России (а значит, и мира) приходится спускаться на загаженную землю — в парламентские курилки, буфеты, в кабинеты и мысли тех, вполне ограниченных и обычных людей, наших современников, которые называются политиками.

4.

За последний год так называемый Центр играет в одну и ту же игру. Положение ухудшается — Горбачев получает дополнительные юридические полномочия. Эти полномочия не действуют, положение опять ухудшается — ему даются новые юридические полномочия: для подкрепления (обеспечения) уже имеющихся полномочий. И так — до бесконечности. В логике это называется «регресс в дурную бесконечность». Смысла же во всем этом нет ровно никакого. Если бы Верховный Совет обладал какой-то реальной властью, хоть в чем-то мог противостоять (скажем — «мешать», «ставить палки в колеса») своему председателю, затем превратившемуся (превратившему самого

себя, честно говоря) в Президента — в этом случае перераспределение власти от Верховного Совета к Президенту имело бы реальный смысл. Но в этом случае едва ли Верховный Совет так легко пошел бы на это!.. У нас же — Верховный Совет бессилён. Никогда, ни в чем не противоречит Президенту — только и делает, что надеяется того все новыми и новыми «полномочиями». Но «из ничего и выйдет ничего». И чем больше Президент старается удержать страну, хотя бы Россию, — тем мягче она выскальзывает из его рук. Его называют новым монархом — что же, может быть, имея в виду короля Лира...

5.

Не надо быть пророком, чтобы ясно понять: не в «полномочиях» дело, а в объективном тупике. Империя должна развалиться, процесс этот задержать нельзя. Умных судьба ведет, глупых ташит. Будем только надеяться на ум нашего Президента. Если есть мысль сохранить единое государство, то для этого надо раздробить Россию, Украину, другие крупнейшие республики на несколько десятков кусков. Тогда, только тогда у Центра появляется реальная функция — скреплять эти куски (штаты, провинции, области — да хоть «воеводства!»). Если остаются единые национальные государства — то нет никакого Центра, а есть нечто вроде ООН или Европарламента для одной шестой суши. Но и в первом, и во втором случае — великая империя Ивана-Петра-Ленина-Сталина перестала существовать. И произошло это раньше, чем мы успели осознать и поверить. Второй раз (первый — в 1919—20-х годах). Империю восстановить уже не удастся.

«Перестройка» — какое жалкое, обманное слово!... Будем все же наде-

яться, что у нас хватит мужества и исторического благородства спустить имперский стяг и опустить занавес над тысячелетней историей Московского царства — Петербуржско-Московской империи, хотя бы сказав настоящие слова.

* * *

Но есть нечто и превыше любого исторического краха или подъема. Пока стоишь в очереди и, оглядываясь вокруг себя, видишь историю города Глупова, ждешь, когда история прекратит «течение свое». А когда отойдешь, понимаешь, что это --- сон, наваждение, что ничто «прекратиться» не может.

«Род проходит, и род приходит, а земля пребывает вовеки. Восходит солнце, и заходит солнце, и спешит к месту своему, где оно восходит. Идет ветер к югу, и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своем, и возвращается ветер на круги свои. Все реки текут в море, но море не переполняется: к тому месту, откуда реки текут, они возвращаются, чтобы опять течь. Что было, то и будет: и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто, о чем говорят: «смотри, вот это новое», но это было уже в веках, бывших прежде нас. Нет памяти о прежнем; да и о том, что будет, не останется памяти у тех, которые будут после...»

ДЕЗИНТЕГРАЦИЯ СССР И АМЕРИКАНСКАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Джереми Р. АЗРАЭЛ

*Фрагменты статьи, подготовленной
для конференции «Советский националь-
ный вопрос и американская внешняя
политика»*

1.

До недавнего времени американские политические деятели были почти полностью уверены, что Советский Союз вступит в XXI век объединенной страной. Прибалтийские государства, возможно, и обретут независимость, но остальные составные части СССР, считалось, останутся в прежнем виде. Самым важным вопросом было не то, будет ли Советский Союз существовать, а куда СССР направляется. Удастся ли Горбачеву и его команде перестроить Советский Союз в «нормальную» страну, то есть в государство с функционирующей экономикой, гражданскими свободами, демократическим строем и «цивилизованной» внешней политикой? Или же им не удастся сломить сопротивление консерватив-

ной оппозиции и бюрократии, а также преодолеть социальную инертность, и нам придется иметь дело с прежним или очень схожим Советским Союзом, к которому мы так привыкли, несмотря на то, что он явно ослабел как сверхдержава?

В результате быстрого развития действий на «национальном фронте», в Вашингтоне сейчас все более явно понимают, что текущие события исключают эту альтернативу. Вместо «нормализации» или возврата к прежним нормам, перед нашими глазами происходит, по всей видимости, дезинтеграция Советского Союза. Растущее национальное самосознание и отстаивание своих прав полностью разрушили миф о том, что, дескать, народы Советского Союза значительно сблизились за последние семьдесят лет, не говоря уже о том,

что они «слились» в единую сверхнациональную семью, именуемую «советский народ». В действительности, во многих случаях советизация явно тормозила то, что могло бы превратиться в более или менее быстрый процесс этнополитической интеграции. Подъем националистических чувств на фоне быстрого развала государственной инфраструктуры создал теперешнюю ситуацию, для которой невольно напрашивается сравнение с Оттоманской Империей накануне ее распада. Так же, как и Оттоманская Порта в начале XX века, Кремль сегодня, по всей видимости, не только ослабляет хватку, но просто теряет силы.

Горбачев продолжает настаивать, что центробежные силы, разрывающие Советский Союз на части, могут быть остановлены и обращены вспять путем принятия нового «всесоюзного договора», гарантирующего больше власти «союзным республикам», при сохранении федеральной структуры. Он постоянно повторяет конституционную формулу — «сильные республики и сильный центр», каким-то образом объединены в более совершенный и политически «укрепленный» союз. Однако эта формула является лишь одним из многих показателей, что Горбачев сам стал частью проблемы (в данном случае «национальной»), а не ее решением. Если какое-то решение по предотвращению распада и будет найдено, то оно почти наверняка будет включать в себя качественное изменение отношений между центром и периферией, а не только количественный сдвиг в существующем распределении власти. Пытаясь придерживаться этой линии, Горбачев только продлевает и усугубляет то, что применительно к вопросу о выживании СССР явственно превратилось в заключительный этнополитический кризис.

Исходя из этой перспективы, главный вопрос, стоящий перед американскими политиками, теперь уже явно не в том, превратится ли Советский Союз в «нормальное» государство. Он заключается в том, как будут затрагиваться интересы США, когда бывшие «порабощенные народы» СССР и центральные власти, от которых они сегодня освобождаются, закрепят путем переговоров или оружия то, что уже стало полностью новыми отношениями и непосредственно между ними и с внешним миром. Чтобы найти ответ на этот вопрос, американские политики в последнее время начали задавать себе и своим штатным обозревателям множество новых вопросов.

2.

Насколько мы можем быть уверены, что Кремль будет продолжать выполнять международные соглашения? Во время, когда правительство РСФСР отказывается признавать право центрального правительства распоряжаться «российскими» алмазами, золотом и нефтью без согласия России, насколько фантастическими являются протесты против готовности Кремля демонтировать «российские» ракеты, отсрочить продажу «российских» вооружений или разрешить проверку, что производится на «российских» заводах?

Кто может дать гарантию, что Кремль сможет осуществлять контроль над советским ядерным оружием и другими видами оружия массового поражения? В то время, когда центральное правительство не в состоянии контролировать арсеналы обычных вооружений, кто может поручиться за отсутствие утечки вооружений из более надежных хранилищ? Насколько мы можем быть уверены, что советское высшее командование

сможет отличить ракету, запущенную националистическими силами внутри Советского Союза, от атаки иностранного государства? Возможны ли обстоятельства, при которых высшее командование захочет затушевать эти различия?

Как повлиял бы на советскую военную мощь фактический «суверенитет» республик? Какие суммы республика захочет тратить на нужды советских вооруженных сил по своему собственному желанию? Какова вероятность ее согласия на размещение «своих» военнослужащих вне «своих» границ? Что произойдет в военном отношении, если Украина пойдет по пути осуществления провозглашенной цели — превращения своей территории в безъядерную зону?

Как достижение независимости (или даже «суверенитета») республиками повлияло бы на соотношение сил и стабильность в различных регионах и международных подсистемах, частью которых они станут? Как возникновение независимых или полунезависимых среднеазиатских республик или же независимого или полунезависимого «Западного Туркестана» повлияло бы на безопасность положения на Среднем Востоке и советско-китайской границе? Какое влияние оказало бы образование независимого Азербайджана (или Северного Азербайджана) на положение в Персидском заливе и вокруг него? Насколько серьезна угроза «балканизации» всей Евразии?

3.

Попробуем обсудить некоторые из возможных в связи с этим решений, а также последствия, которых можно было бы избежать путем принятия таких решений:

1) Распространение ядерного оружия. Одно из последствий, которого

мы явно хотим избежать, это разделение контроля над советским ядерным арсеналом, и, в частности, над стратегическими боеголовками и ракетами. По сообщениям прессы, Вашингтон недавно задавал Кремлю вопросы о надежности расстановки его ядерных вооружений в смысле безопасности и получил в ответ, как сообщалось, удовлетворительные заверения, — дескать, все в порядке. Однако, учитывая растущую идеологическую и этнополитическую напряженность в советских вооруженных силах, КГБ, а также в более широких слоях общества, трудно принимать эти заверения всерьез. Даже если сегодня не существует явной угрозы нарушения безопасности, то завтра все может измениться. Кстати, имеется несколько возможных сценариев, по которым существующие гарантии безопасности могут рухнуть и ядерное оружие окажется в руках группировок или правительств (включая как иностранные, так и «советские» группировки и правительства), явно враждебных США.

Чтобы уменьшить этот риск, правительство Соединенных Штатов имеет полное право и основание потребовать намного более веских доказательств и заверений, чем те, которые оно получило до сих пор, что Кремль делает все возможное для предотвращения захвата или «освобождения» потенциально пригодных для использования (или рециркуляции) ядерных вооружений. Таким образом, наши только лишь начинающиеся военные контакты с СССР на высшем уровне должны быть использованы для достижения этой цели. Американская сторона в этих контактах должна заявить о наших тревогах со всей откровенностью. Мы должны дать ясно понять СССР, что отказ отреагировать и принять какие-то меры для устранения причин наших тревог может серьезно отра-

зиться на американо-советских отношениях. В то же время, мы должны явственно дать понять, что мы готовы произвести определенные перемены в нашей стратегической политике для уменьшения риска, который советское высшее командование могло бы ощущать в процессе одностороннего разоружения, демонтажа или передислокации значительного числа советских ядерных вооружений.

2) **Русский фашизм.** Другим отвратительным исходом борьбы, происходящей на «национальном фронте», было бы возникновение шовинистической неофашистской России (или урезанного, управляемого русскими Советского Союза). Как минимум, это бы означало, что большая и стратегически важная часть земли и громадные вооруженные силы, оснащенные ядерным оружием, контролировались бы людьми, чьи ценности и стремления полностью противоположны нашим. Более того, очень вероятно, что захват власти этими людьми стал бы прелюдией к агрессивному аншлюсу, имеющему своей целью защиту и возврат прав русскому или бывшему русскому населению на нерусских территориях. Эта кампания, в свою очередь, почти обязательно ввергла бы страну в кровопролитную «внутреннюю войну», которая могла бы легко перекинуться через советские (или бывшие советские) границы и крайне отрицательным образом повлиять на Восточную Европу, Юго-Западную Азию, а возможно, и на другие регионы мира. Таким образом, США очень заинтересованы в повышении престижа и завоевании успеха либеральными и демократическими лидерами, которые, по крайней мере сегодня, явно завоевали доверие значительной части русского народа.

Запоздалым признанием этой заинтересованности можно считать, в частности, то, что американская ад-

министрация прекратила отпускать пренебрежительные замечания в адрес Бориса Ельцина, и то, что американские официальные лица стали со значительно большим уважением относиться к ведущим российским демократам. Однако, принимая во внимание растущую воинственность «правых» в их попытках дискредитировать российских демократических лидеров и саботировать проводимую ими политику, этого явно недостаточно. Хочется, чтобы Вашингтон намного яснее продемонстрировал свою заинтересованность в возможном исходе этой борьбы, а также готовность вступить за демократов, если будут предприняты попытки заставить их уйти с политической арены.

Далее хочется подчеркнуть, что также послужило бы нашим интересам, если бы значительная часть оказываемой нами Советскому Союзу помощи была бы предоставлена для осуществления программ, принятых и проводимых руководством Москвы, Ленинграда, Свердловска и других российских городов, управляемых демократами, а также Президиумом Верховного Совета РСФСР. Это было бы хорошим свидетельством того, что мы предоставляем наши деньги на то, что отвечает нашим интересам. Кроме того, получающим нашу помощь демократам было бы легче показать ощутимые результаты своим нетерпеливым избирателям, демонстрируя, таким образом, возможность улучшения их положения.

3) **Исламский фундаментализм.** Еще одним крайне нежелательным для США исходом борьбы в СССР явился бы резкий подъем исламских фундаменталистских настроений среди советских (или бывших советских) мусульман Средней Азии и Азербайджана. Поскольку большая часть имеющейся у нас информации о так называемом росте исламского фундамен-

тализма в сегодняшнем Советском Союзе поступает к нам от советских публицистов, которые явно заинтересованы в том, чтобы мы забыли и простили неоднократное использование Кремлем вооруженных сил против протестовавших казахов, азербайджанцев, узбеков и других мусульман, трудно предположить, насколько вероятен такой исход. Однако, как можно заключить из более достоверных источников, для беспокоества есть веские основания.

Кроме того, есть все основания полагать, что привлечение правоверных фундаменталистами, уже сегодня получившее довольно широкий размах, значительно увеличится по мере ослабления контроля центральной власти. В связи с этим, вполне возможно, что советские мусульмане могли бы стать естественными союзниками некоторых наиболее агрессивных врагов Америки, когда они начнут действовать на международной арене независимо или полунезависимо.

США одни почти ничего не могут сделать, чтобы избежать подобной перспективы. Напротив, наши усилия воспрепятствовать распространению фундаментализма вызовут, скорее всего, обратную реакцию, как только они будут замечены. Однако нельзя сказать, что Соединенные Штаты полностью бессильны что-либо сделать. Мы можем поощрять и поддерживать такие усилия со стороны некоторых антифундаменталистских мусульманских государств, в первую очередь, Турции.

За исключением двух миллионов таджиков, почти все мусульмане Советского Союза тюркского происхождения говорят на языках тюркской группы и имеют историческую близость и дружественные отношения с турками и Турцией. Исходя из этого, вполне вероятно, что они откликнутся на турецкие предложения открыть у себя консульства, информационные

и торговые центры и другие учреждения, а также расширить академический, культурный, научный и технический обмен. Благодаря этим контактам, турецкое правительство окажется в очень выгодном положении, чтобы представить советским мусульманам наиболее убедительное из имеющихся «доказательств», что мусульманская страна может стать частью Запада и успешно модернизироваться, не подрывая при этом своей мусульманской принадлежности. Всячески поощряя и щедро поддерживая налаживание таких контактов, правительство США, в свою очередь, будет способствовать тому, чтобы исламские фундаменталисты не смогли завоевать сердца советских мусульман еще и в силу их бедности.

4) Балканизация. Четвертым, в рамках данного отчета, последним возможным исходом, который мог бы представить значительную угрозу американским интересам, была бы «балканизация» нерусских пограничных районов СССР. Она могла бы привести к опасной нестабильности, что ясно видно на примере кровавых погромов и пограничных столкновений, уже имевших место на Кавказе, в Молдове и в Средней Азии. Так же показательно (и это, возможно, еще меньше отвечает интересам США), что перспектива обретения независимости подтолкнула правительства и фронты национального освобождения западных окраин СССР к выдвижению различных давних территориальных претензий не только к России, но и друг к другу, а в некоторых случаях, и к своим восточноевропейским соседям. Глядя на накал страстей во время этих споров, можно представить себе размер конфликта, когда стороны будут иметь собственные вооруженные силы. Этот процесс уже происходит в некоторых республиках и, несомненно, будет продолжаться и ускоряться даже в тех респу-

бликах, которые стремятся к «суверенитету», но не к независимости.

Существует несколько шагов, которые США могут сделать в ближайшем будущем, чтобы снизить опасность нарастающего конфликта между нерусскими государствами, преемниками СССР, а также между ними и их зарубежными соседями. Вот некоторые из них:

Поставить Кремль в известность, что его продолжающиеся усилия усугубить межэтнические противоречия могут серьезно отразиться на американо-советских отношениях. Эти усилия трудно убедительно документировать, но имеется немало свидетельств, что КГБ приложил руку в ряде случаев массового насилия на Кавказе и в Средней Азии, а также способствовал возникновению ряда ксенофобских националистических организаций в различных частях СССР. Кроме того, в нескольких случаях, КГБ изрядно потрудился, чтобы подорвать усилия нерусских националистов разрешить свои разногласия путем диалога и навести мосты между своими сторонниками, пока антагонизмы еще не вышли из-под контроля. В отсутствие окончательного доказательства, что это происходит с ведением и одобрения самого Кремля, США не должны размахивать кулаками на эту тему, но в то же время мы должны без колебаний заявить о нашей решительной оппозиции тактике «разделяй и властвуй» тогда, когда нам бы хотелось, чтобы вопрос примирения стоял первым на каждой повестке дня.

Установить официальное американское присутствие во всех нерусских республиках и в РСФСР как таковой и приложить все силы для налаживания контактов с различными слоями местного населения. В настоящее время, наши сведения о том, что действительно происходит в большинстве нерусских республик, очень

ограничены. В результате, мы часто не знаем, чего ожидать завтра и что нам следует в этой связи предпринять, если такая возможность имеется. Скорейшее открытие чего-то вроде «мини-консульств», что сейчас рассматривается в Вашингтоне, было бы полезным первым шагом, но следующие шаги должны быть сделаны как можно скорее, желательно путем непосредственных договоров с республиканскими властями, минуя центральные власти.

Поощрять и поддерживать усилия национальных общественных лидеров по налаживанию связей друг с другом и всемерно содействовать развитию контактов и обменов между этнополитическими группами. Кроме контактов и обменов «на местах», Вашингтон может организовать или оказать помощь в организации дискуссий «за круглым столом», семинаров и прочее на «нейтральной» территории, где американские и другие зарубежные участники могли бы выступать в полезной роли посредников и «миротворцев» в решении наиболее спорных вопросов.

Финансировать и всячески поддерживать разработки и создание совместных и межэтнических предприятий и других проектов, которые принесут большую пользу всем участникам. По завершении разработок США должны предложить оказание технической и других видов помощи участвующим сторонам для осуществления проектов. Такая помощь является необычайно важной в рамках «миротворческой» деятельности.

Ясно дать понять всем заинтересованным сторонам, что при прочих равных, американская техническая и экономическая помощь в первую очередь будет оказана межэтническим совместным проектам.

Ясно дать понять всем заинтересованным сторонам, что США не ока-

жут технического содействия и экономической помощи тем, кто не соблюдает гражданских и общественных свобод и прав национальных меньшинств в своей юрисдикции.

* * *

Естественно, нет абсолютной гарантии, что эти или подобные шаги, сделанные США, достигнут цели. Это не значит, конечно, что худшие опасения неизбежно сбудутся. Но все же

очень возможно, что события будут развиваться в отрицательном ключе, несмотря на все наши усилия. Эту возможность можно разглядеть, если обратить внимание на то, что все эти усилия требуют определенного времени, а события развиваются со все увеличивающейся скоростью. Из этого следует, что позднее нам, возможно, придется принимать намного более крутые и экстренные меры против последствий нашей неспособности добиться более благоприятного результата в отведенное нам время.

БЕРЕМЕННЫЕ ЖЕНЩИНЫ, ГНЕВНЫЕ МУЖЧИНЫ, ОБЩИЙ ПАТРИОТИЧЕСКИЙ ПОРЫВ

Алла ГЛЕБОВА

ЭКСПЕРИМЕНТ С НАРОДНОЙ АРМИЕЙ В МОЛДОВЕ

«Если взять Игоря Александровича Зарецкого и какого-нибудь китайца, то ясно, что права у них равные. Но миллион китайцев имеют такие права, которые и не снились Игорю Александровичу», — так ответил Зарецкому, лидеру коммунистов Приднестровья, лидер социал-демократической партии Молдовы Оазу Нантой. Эту фразу, наверное, можно рассматривать как ключ к пониманию природы национального конфликта в Молдове, где в запале полигической борьбы пытаются соизмерить права личности с правами народа — в пользу последнего.

Соблюдение драматургического принципа — единства места, времени и пространства — динамика событий, накал страстей, обилие действующих лиц сделали Молдову в конце ок-

тября — начале ноября ареной политического действия, потрясшего страну. Участники событий: Болградская дивизия ВДВ, подразделения внутренних войск МВД СССР, милиция Молдовы в подчинении министра внутренних дел республики, молдавские добровольцы (40 тыс. человек), отряды РОСМ (рабочие отряды содействия милиции) из районов Приднестровья, отряды самообороны в местах компактного проживания гагаузского населения, многие официальные лица и общественные деятели. История же такова. Летом на территории Молдовы были провозглашены сначала Приднестровская молдавская советская социалистическая республика (г. Тирасполь) — на левом берегу Днестра, затем на правом берегу, на юге — Гагаузская республика. Обе республики не признаны официальным правительством Молдовы. После того, как стала известна

дата проведения выборов в Верховный Совет Гагаузской республики — 26 октября — драма устремилась к своей кульминации.

Комрат, столица провозглашенной Гагаузской республики, под вой сирены воздушной тревоги и колокольный набат ожидал нашествия молдавских добровольцев. Баррикады на подступах к Комрату вместе с гагаузскими отрядами самообороны охраняли прибывшие рабочие с левого берега — из Бендер, Тирасполя, Рыбницы — члены отрядов РОСМ. Эпопея молдавских добровольцев — самая невероятная и интригующая во всей этой военной кампании.

Как удалось поднять, повести, а потом вести с места событий полчища мирного населения мужского пола? На что рассчитывал премьер-министр республики, благословивший этот демарш? Какова природа этого явления? Ответы на эти вопросы можно получить из интервью с директором Государственного департамента по военным вопросам Совета министров ССР Молдовы Николае Киртоакэ — военным министром Молдовы.

А. Г. Среди молдавского населения ходят слухи о том, что провозглашение Приднестровской и Гагаузской республик — это часть плана, подготовленного лидерами Интердвижения по созданию Новороссийской советской социалистической республики, включающей, кроме вышеперечисленных регионов, еще Крым и Одессу. При этом утверждается, что кроме депутатов Верховного Совета СССР из Приднестровья в заговоре участвует также и армия. Располагаете ли вы какими-либо данными на этот счет?

Н. К. Если предположить, что таковой заговор существует, то пока все идет по плану: гагаузская и приднестровская республики провозглашены в нарушение Конституции и международного права. Что касается некото-

рых депутатов Верховного Совета СССР из Приднестровья, то они преподносят информацию союзному правительству о процессах, происходящих в Молдове, в искаженном виде. Слухи о причастности советской армии и военной разведки к заговору устойчивы, наверное, благодаря удивительной согласованности действий армии и отрядов рабочих Приднестровья.

Чем объяснить, что Советская армия фактически поддержала сепаратистов, которые преследуют цель свергнуть правительство и распустить парламент Молдовы, а затем создать суверенные Приднестровскую и Гагаузскую республики? Распространено такое, например, объяснение: и новые республики создавались, и советская армия встала на их защиту, чтобы удержать Молдову в составе Советского Союза и не допустить ее соединения с Румынией. Слухи о воссоединении с Румынией беспочвенны.

А. Г. Зачем организованы отряды добровольцев?

Н. К. Движение добровольцев никто не инициировал сверху. Это — стихийное, народное движение. Добровольцы — это просто разгневанные мужчины, объединенные патристическим порывом. Когда правительству стало известно, что добровольцы самоорганизовались и выступили, стало очевидно, что движение народных масс должно быть скоординировано.

20 октября республиканские газеты опубликовали обращение демократических сил «Молдова в опасности!», в котором содержался призыв организовывать отряды по месту жительства, по месту работы с целью защитить целостность и суверенитет Молдовы. Это был пик активности по созданию отрядов добровольцев, которые были созданы повсеместно.

А. Г. Зачем добровольцы были по-

сланы в районы компактного проживания гагаузского населения?

Н. К. Силы добровольцев использовались в помощь милиции в ходе операции по введению чрезвычайного положения. Руководство всей операцией осуществлял министр внутренних дел Молдовы, генерал-майор Ион Косташ. Ввести чрезвычайное положение только силами милиции (численность сотрудников милиции в подчинении МВД ССР Молдовы, от ОМОНа до сельских участковых инспекторов — 2 тыс. человек) невозможно. Поэтому моя задача была — обеспечить взаимодействие отрядов добровольцев и милиции. Задача добровольцев была блокировать дороги, чтобы дать возможность работать ОМОНовцам и вооруженным отрядам милиции по восстановлению порядка в зонах действия сепаратистов. Основные силы добровольцев скапливались в населенных пунктах Чадыр-Лунга, Вулканешты, Комрат. Задача была поставлена так: изолировать всех деятелей гагаузского национального движения.

А. Г. Было ли необходимо блокировать дороги?

Н. К. Блокировать дороги нужно было, чтобы не пустить воинские части и военную технику. Добровольцы — примерно 500 человек — в ночь на 25 октября в районе села Пеления не пустили движущиеся в направлении Комрата четыре бронемашины. Остановить их не удалось. Бронемшины развернулись и поехали в обратном направлении — через гагаузские села Украины. Потом их видели уже в Комрате.

А. Г. Какие принимались меры по поддержанию порядка среди добровольцев?

Н. К. Численность добровольцев, которые находились в районах компактного проживания гагаузского населения, по нашим данным, около 40 тысяч человек. Порядок среди добровольцев обеспечили 7 офицеров де-

партамента. Это они сделали управляемой всю эту массу людей. Добровольцы были разбиты на роты. Перемещение колонн осуществлялось на транспортных средствах, выделенных предприятиями, колхозами и совхозами. Организационные вопросы курировались зампредами исполкомов Советов. Организовано вели себя добровольцы из Яловенского, Ниспоренского, Каушанского районов. Колонны из этих районов сопровождали грейдеры, бульдозеры, краны (предназначенные для перекрытия дорог), походная кухня, скорая помощь. Питание добровольцев организовала потребкооперация. Все экстренные вопросы решались на месте — по звонку в райисполком. Примерно треть добровольцев была плохо организована. Это прежде всего относится к колонне из Кишинева, формировавшейся на соборной площади. Двери поданных горисполкомом автобусов были открыты. Кроме достаточно хорошо организованных студентов, половину автобусов заняли анархически настроенные, совсем не организованные люди. Повторяю, мы имели дело, прежде всего, с разгневанными мужчинами, одержимыми патристическим порывом. Нам приходилось выступать на митингах — например, в Кагуле, в Чимишлии, где были сосредоточены основные силы добровольцев, — сдерживать порывы, объяснять, что враги Молдовы только и ждут, чтобы добровольцы поддались на провокацию и допустили какие-либо противозаконные самоуправные действия.

А. Г. В течение какого периода времени разворачивалась деятельность добровольческих формирований?

Н. К. Отряды добровольцев действовали примерно в течение недели. С 25 октября мы начали операцию по выведению добровольцев из объявленной зоны чрезвычайного положения. В субботу вечером 27 октября в

зоне компактного проживания гагаузского населения добровольческих формирований уже не было.

Чрезвычайное положение так и не было введено. Треколор — флаг независимой Молдовы — не был водружен в Комрате, как того хотели многие.

В настоящее время в Молдове не осталось отрядов, подлежащих расформированию в соответствии с Указом Президента, кроме районов Приднестровья, где рабочие отряды ОСТК по-прежнему блокируют дороги.

Батальон «Тирас-Тегина», который формируется по решению правительства Молдовы из офицеров по добровольному принципу, также не является вооруженным формированием. Он организуется как подразделение гражданской обороны для действий во время стихийных бедствий и катастроф. В случае принятия закона о создании вооруженных сил республики этот батальон может стать основой для развертывания вооруженных сил. Пока батальон укомплектован кадрами всего на треть.

А. Г. В случае, если республиканский Верховный Совет примет закон о вооруженных силах, сможет ли Молдова нести военные расходы?

Н. К. Мы говорим о народной армии, значит формировать ее надо на деньги народа. Народ выразил свое отношение к созданию своей армии. По предложению депутата Киркэ, работника Министерства финансов республики, начат добровольный сбор средств. За короткое время на счет будущей гвардии поступило более миллиона рублей. Взносы делают даже дети.

А. Г. Как быстро можно будет создать национальную гвардию в Молдове?

Н. К. Мы говорим не о националь-

ной, а о республиканской гвардии. В соответствии с временным положением об организации республиканской гвардии, разработанным комиссией по военным вопросам Верховным Советом Молдовы, речь идет о возможности создания добровольных военно-патриотических обществ на всей территории республики — будь то регионы компактного проживания гагаузов или Кишинев. Вопросами организации этих обществ будет ведать республиканский координационный комитет.

А. Г. Как вы оцениваете прошедшую кампанию по введению чрезвычайного положения в районах компактного проживания гагаузского населения? Оправдано ли было привлечение отрядов добровольцев?

Н. К. Задача состоит в том, чтобы помочь премьер-министру создать парламентскую республику, основанную на рыночной экономике и многопартийной системе. Чтобы стабилизировать ситуацию нужна сильная государственная власть.

Добровольцы выполнили поставленную перед ними задачу. Они блокировали дороги. Они не пустили военную технику Советской Армии. Но главное достижение добровольческого движения — созданы предпосылки для решения межнациональных конфликтов политическими методами, так как удалось изменить баланс сил в пользу официального правительства Молдовы.

* * *

...На левом берегу, в Дубоссарах, где жители, забаррикадовавшись, также ожидали наступления молдавских добровольцев, «изменение баланса сил» проявилось в полной мере. 2 ноября представители молдавской милиции, получившие задание восстановить там порядок, открыли огонь при попытке проникнуть в го-

род. Трое жителей Дубоссар были убиты, 16 человек получили огнестрельные ранения. 8 ноября в беседе с посетившими город депутатами Верховного Совета России хирург единственной городской больницы Александр Ныркв так охарактеризовал глубину шока, в котором пребы-

вают жители, по-прежнему ожидающие нападения с правого берега: «Обычно мы принимаем роды 3—4 раза в сутки. Начиная со 2-го ноября ни одной роженицы не поступало. Это удивительно! Ведь роды — биологический процесс, который остановить невозможно».

АРХИВ ВЕКА

ПРАВИТЕЛЬСТВО ССР МОЛДОВА

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 425

1 ноября 1990 года,
г. Кишинев

О ГАРАНТИЯХ И КОМПЕНСАЦИЯХ ДЛЯ ЧЛЕНОВ ДВИЖЕНИЯ ДОБРОВОЛЬЦЕВ В ССР МОЛДОВА

На основании статьи 117 КЗОТа ССР Молдова Правительство ССР Молдова ПОСТАНОВЛЯЕТ.

1. Установить, что за членами отрядов добровольцев, создаваемых в соответствии с постановлением Правительства ССР Молдова от 23 октября 1990 года № 407 «О формировании добровольных дружин в ССР Молдова», на период выполнения ими в рабочее время обязанностей по поддержанию общественного порядка и стабилизации общественно-политической обстановки в республике сохраняется место работы (учебы) и средний заработок (стипендия), а при выполнении этих обязанностей за пределами постоянного

местожительства оплачиваются в установленном порядке и суточные.

Основанием для предоставления гарантий и компенсаций является справка, выданная исполкомом местного Совета народных депутатов или Департаментом по военным вопросам ССР Молдова.

2. Руководители предприятий, учреждений, организаций вправе применять в отношении членов отрядов добровольцев меры материального и морального поощрения.

**Премьер-министр
ССР Молдова
Мирча ДРУК**

ЕДИНАЯ КРОВЬ

Вместо комментария

Сергей ШТЕХЕР,
историк

Все видения нашего расчлененного общества вращаются вокруг идеи самоопределения наций. Оставляя в стороне людей, которых национализм вдохновляет, можно узреть в толпе страждущих определения тех немногих, кто претендует на лучшее воспоминание о прошлом и готов по праву своей осведомленности бросать всякому утопающему спасательный круг, раскрашенный в национальные цвета. Но с каким народом мне самоопределяться?

Вот здесь-то меня и подстерегает ужас гладиаторского приветствия императору — «Идущие на смерть приветствуют тебя!», — ибо суверенитет нации может быть реализован лишь одним известным на сию пору способом — с помощью «своего» национального монарха. И не будем под словом «монарх» полагать бородатого царя со скипетром и державой. Речь прежде всего идет о власти, ниспосылающей на своих подданных дождь и свет. Каким и был австрияк Шикльгрубер, ставший «самым-самым» немцем, и грузин Джугашвили — «самым-самым» русским.

Установление и укрепление тоталитарных режимов в XX веке шло рука об руку с национальной идеей, выпущенной на волю из застенок разума. Интернациональная окраска не скрывает их существа. «Новый порядок»,

утверждавшийся в Европе, был типичным порождением немецкого национального духа, забывшего все рамки приличия, хотя фашизм и зародился в Италии. Жажда мировой революции была результатом стремления русских к неограниченной никакими нормами «воле», свободе греха, что угадывается за словами поэта «Господи, благослови!», хотя бы «мировой пожар» и проповедовали жрецы иной национальности.

Наконец идея самоопределения наций родилась как пгига Феникс из смрадных пожарищ мировой войны, когда права личности, даруемые конституцией, были сметены правом наций, утвержденным штыками. И не потому ли, что пепел этих костров стучит им в сердце, защитники национального суверенитета спешат создать свою собственную «национальную» армию?

Последнее больше, чем что-либо другое, указывает на истинные цели жаждущих суверенитета — им нужна «великая держава» — малая или большая, но такая, которая не может не подавлять своим величием, и потому безотлагательной потребностью государства становится военная машина, армия, ибо она — то единственное, что не подвластно критике и достойно перейти от теории к беззастенчивой практике.

Поскольку «единство нации» лежит в основе реального народа, постольку, совершенно как в армии, возникает необходимость в командовании и командующих. Надзор сверху становится необходимым условием существования многих. Частные интересы перерастают в государственные, общественное мнение становится государственным. И даже деторождение не является более делом любви, ибо государству нужны солдаты. Армия становится зеркалом, в котором общественное сознание любит себя собой. Отныне вся жизнь общества сводится к служению государству и постепенно бюрократизируется. И поскольку государство — это только машина, то оно принуждено пить соки живой силы нации. Народ превращается в горячее для питания государственной машины. Костяк государства пожирает живое тело нации. Мертвая конструкция становится хозяйным жилым домом.

Ясен ли трагизм процесса нового возвеличивания государства? Кто постиг это, почувствует тревогу, слыша, как идеей самоопределения нации оправдываются экономические программы, как в ней находят свое основание надежды на возрождение подлинно человеческого бытия. Очевидно, что причиной всех этих коллизий является прежде всего неясность того, что есть нация и что такое национальное государство.

Сначала нация кажется племенем, а соседнее племя — «не-нацией», как это было с полянами и новгородцами. Затем нация слагается из обоих племен, потом она — «область», и тогда нация заключена в Московии, но не в том же Великом Новгороде. Мы видим, что нацию слагает не кровное родство и не заселенная территория; неверно и то, будто ее создает патриотизм, любовь к отечеству — все архивы, воспоминания; предки и отечество оказались бессильны перед

общей целью, мощно раздвигающей границы, еще ранее казавшиеся «естественными», но ныне простирающиеся «от тайги до британских морей». Ведь очевидно, что прошлое кончалось в тот самый момент, когда люди говорили себе: «Мы — нация». И если историк нуждается в прошлом, то нация, напротив, отрицает его: прежде чем иметь общее прошлое, нация должна создать общее настоящее. Для существования нации достаточно иметь ее перед собой как цель, как великолепную программу будущего, и даже если попытка не удалась, то можно говорить о неудавшейся нации, как это было с Тверью в период ее соперничества с Москвой. Что же тогда нация, если не кровь и не язык?

Вполне понятно, когда наши политики пользуются нашей кровью и нашим языком в качестве *ultima ratio*. Причисляя принцип самоопределения нации к естественным правам человека, его адепты исходят из того, что Ермак сражался за Россию, а запорожцы за Украину. Они полагают возможным, что Россия или любая другая территория, отрезанная границами и законами от соседей, существовала в глубине человеческих душ как готовый образ.

Словом, еще не было России, но уже были «русские»! Они начинают биографию своей навязчивой идеей с диких муромских лесов или с днепровских порогов, отыскивая там в своей девственной чистоте нашу свободу, ничем не отличающуюся от свободы дикого кабана. Известно, однако, что в лесу как аукнется, так и откликнется.

Если нация состоит только из прошлого, право, ее не стоит защищать. И потому не остается иного, как исправить искаженную идею нации, хотя бы и с угрозой показаться вероотступником, низвергающим с пье-

десталов общепризнанные святыни. Секрет же нации будем искать в ее государственной деятельности, планах, стремлениях, в политике, а не физиологии и географии. Два момента представляют здесь особенную важность: во-первых, проект совместной жизни в общем деле, и во-вторых, отклик людей на этот проект. Всеобщее согласие создает внутреннюю прочность, которая отличает реальную нацию от ее мифа, достигаемого внешним давлением государства на различные группы людей, все равно — говорящих ли на одном языке с государственной машиной подавления или на разных.

Нация, или иначе национальное государство, и есть подлинное государство, назначение которого в преодолении начального, дикого единства. Если стремление к продвижению вперед ослабевает, государство умирает той смертью ржавой машины, что хуже гниения живого тела; и раса, и язык, и границы не спасают, как не спасают Союз одинаковые паспорта и общее прошлое народов его составляющих. Миф о создании нации «советских людей» рухнул, ибо в паспортах нет самого существенного — программы общего будущего: оно всегда было прошлым. Человек корпел на анонимную силу, подстегиваемый мечтаниями и трудовыми подвигами во имя невозможного будущего легших в землю прежде него поколений. И напротив, национальное государство имеет своим принципом ежедневный плебисцит, демократию и ее будущее, стремящееся к чистой идее государства, о чем мечтали еще мыслители Нового времени. В этой идее государство исходит из суверенитета личности, и потому государственный строй выступает как самоопределение народа. Народ национален, поскольку он суверенен. Единство крови и

языка, прошлая слава и незабываемость границ — все эти вчерашние хранители суверенитета отменяются, отныне нацию хранит программа будущего. И гигантский и ясный пример разыгрывается на наших глазах: развалившаяся за недостатком убедительной программы совместной деятельности Британская империя благополучно возвращает потерянные было территории под суверенитет реальной программы Содружества.

Однако никто не знает, к какому центру будет тяготеть наша жизнь в ближайшем будущем, и потому она стала до неприличия временной. Нельзя верить тому, что говорят и проповедают. Мужчины не знают, каким идеалам они служат; женщины не знают, каких мужчин им предпочесть.

Внутри наших наций нечем дышать. Нации были открытым простором, а стали душным захолустьем. Раньше национализм укреплял, но сейчас укреплять больше нечего, — и национализм лишь предлог для отказа от подлинного исторического творчества. Он стремится ограничить, исключить, а подлинно национальное государство включает и приемлет. Самоопределение нации, занятой своими границами, имеет своей религией государственный строй. Поскольку человек — лишь служебное обязательство к государству, постольку одна государственная власть обладает суверенитетом. В состоянии мира ее суверенитет выступает как принуждение либо как результат своекорыстия. Своей действительностью суверенитет обладает только в состоянии войны и бедствия, между тем как в состоянии мира он есть именно война и бедствия, вызванные своекорыстием.

Идущие на эту войну да ограничат программу своего будущего словами: «Убитые тобой приветствуют тебя!».

ЗИМА ИДЕТ

КОНТУРЫ БУДУЩЕЙ РЕАКЦИИ*

Дмитрий ЕФИМОВ

РИТМ РЕВОЛЮЦИЙ И РЕАКЦИЙ

Хотя точные предсказания в истории невозможны, какие-то общие вещи предсказывать удастся. И есть тенденции, которые предсказать предельно просто, ибо ими управляют элементарные ритмы. Один из таких ритмов — ритм революции и реакции. Если идет революция, можно, не боясь ошибиться, предсказывать реакцию, ибо в той или иной степени и конкретной форме — реакция после революции наступает практически с неизбежностью прихода зимы после лета. Поэтому в ходе теперешней революции (ибо либеральная реформа все же переросла в революцию) надо думать о будущей реакции, летом готовиться к зиме.

Как же относиться к этой угрозе реакции? Что должны делать люди, которым дорога зарождающаяся демократия? Выходить на площади во все меньшем числе и со все большим ожесточением? Или забиваться по норам, готовясь как-то пережить зиму? Решения могут быть разные. Но чтобы что-то решать, надо прежде всего разобраться в самой природе реакции.

Прежде всего, попытаемся понять, откуда происходит неизбежность ре-

акций, наступающих за любой революцией. На наш взгляд, основной причиной их неизбежности является то, что революции, будучи сами порождением протеста против лжи и аморальности «старых режимов», непременно «переходят черту» и порождают собственную ложь и аморальность. Революции не просто свергают «старый режим», они с ожесточением топчут все, что связано с ним, они «грабят награбленное», а их лидеры упиваются новой властью и обещают народу молочные реки и кисельные берега. И через какое-то время аморальность и ложь становятся видны каждому. Реакционерам надо лишь ждать, когда перезревшее яблоко само упадет на землю. Реакция — возмездие за грехи революции. Ибо в истории действуют и моральные законы (или исторические и социологические законы имеют и моральный аспект, моральный смысл) и если индивидуальные злодеи часто умирают без наказания, то социальные организации — государства, партии, церкви — всегда судятся за свои грехи в ходе самой истории («на этом свете»). И степень возмездия соответствует грузу грехов. Английской аристократии не пришлось платить так, как французской. Зато и английская революция, относительно умеренная, не расплывалась так, как расплатились за свой «шутовской карнавал» французские революционеры.

*Мы живем в период быстрых перемен и все, написанное нами, очень скоро устаревает или приобретает в новом контексте другое значение. Поэтому имеет смысл указать дату написания этой статьи — октябрь 1990 г.

Русскому «старому режиму», отменившему крепостное право только в 1861 году и введшему «полуконституцию» лишь после революции 1905 года, пришлось расчитаться сполна. Но расплатились и наши революционеры-большевики, устроившие на костях побежденных свою оргию победителей. Расплатились при Сталине, ибо Сталин — это и пик революционного безумия, и реакция одновременно, и расплачиваются сейчас. И если сейчас им достанется, может быть, не так уж сильно, то это потому, что уже Сталин в какой-то мере явился для них карой и, что самое важное, среди них нашлись люди, оказавшиеся способными покаяться и начать «перестройку».

Перестройка — это начатые сверху либеральные реформы, перешедшие в революцию. Эта революция относительно умеренная и на совести её пока нет крови.

И тем не менее, как любая революция, она постепенно накапливает грехи и ложь, делающие в конечном счете реакцию неизбежной. Контурсы этой будущей реакции — это контурсы теперешней, революционной лжи, глупости и аморальности. Попробуем рассмотреть эти контурсы, исходя из общей для любой революции схемы отношения к прошлому, настоящему и будущему. Схема эта предельно проста и естественна. Прошлое отрицается, настоящее рассматривается как переходный период героической борьбы, будущее — это то добро и счастье, за которое мы боремся.

МИФ ПРОШЛОГО

Революция 17-го года с упоением поливала грязью старую Россию. Вообще грязи в старой России было более чем достаточно. Но революции было все мало. Ей нужно было избразить все прошлое немислимым

мраком, ибо, лишь создав абсолютно черный «фон», она надеялась обелить свои собственные злодеяния. Она надругалась над прошлым, как варвары-завоеватели над взятым городом. Победители устроили пир на костях побежденных. Но за такие пиры рано или поздно приходится платить. Самые главные победители могли перед смертью в тюрьмах и лагерях узнать о том, что Сталин возрождает символы царской России, а их отдаленные идейные потомки вынуждены сейчас смотреть по телевизору, как председатель Верховного Совета принимает лидеров партии православных монархистов.

Перестройка окончательно разрушила большевистскую мифологию. Она раскрывает «запратанную» дореволюционную русскую культуру и историю и одновременно обнажает все масштабы злодеяний установленного революцией 1917 года режима. Это — громадный, «революционный» прорыв к правде. И все же с каждым днем становится очевидным, что инерция теперешнего революционного процесса влечет его к новой мифологии, «зеркальной» по отношению к большевистской.

Царская Россия — символ мрака и зла для большевиков — начинает превращаться чуть ли не в символ добра, в потерянный рай, а 1917 год — в подобие грехопадения. Зато история после 1917 года становится периодом беспросветного мрака, царством Сатаны.

Между тем, в истории, как и в жизни, все предельно запутано. Здесь мученик легко и незаметно переходит в палача и может быть мучеником и палачем, святым и негодяем одновременно. Революционеры не были теми «беззаветными» рыцарями, которыми они сами себя изображали, но не были и теми мрачными злодеями, какими они все чаще рисуются сейчас. Многие из них проявляли бескорыстие и героизм, немислимые для лиде-

ров теперешнего «революционного» движения. И даже Сталин, каким бы злодеем он ни был, это все же человек, бежавший из ссылок, и создатель самой великой империи в истории человечества. Это — кто угодно, но не тот ничтожный дурак, которым его изображают сейчас.

Так же запутаны, сложны и странны в истории причинноследственные связи. Наша революция была порождением нашей дореволюционной истории, итогом дореволюционного развития. Она была очень кровавой, но при оценке степени «кровоавости» нашей революции надо учитывать, что в нашей истории оказалось спрессованным то, что было растянутым в истории других стран, шедших от средневековья к современной демократии. «Кровоавость» нашей революции несомненно связана с «бескровоавностью» и «застойностью» нашего XIX века, когда европейские народы проходили через циклы революций и контрреволюций. С другой стороны, бескровоавность (во всяком случае в России) теперешней революции также, несомненно, связана с обилием крови, пролитой при Ленине и особенно при Сталине. И кровоавость нашей революции неразрывно связана и с ее героизмом и идеализмом. Не видя этого героизма революции, мы просто не можем понять нашей истории и чем более мы «унижаем» революцию, тем более мы объективно «унижаем» и ту дореволюционную историю, итогом которой она была. И как революция 1917 года — итог нашего предреволюционного развития, так перестройка — итог развития послереволюционного. И опять-таки, изображение пройденного с 1917 года пути как «провала» в истории объективно означает отрицание теперешнего революционного процесса, ибо если мы не изменились с 1917 года, если мы не шли вперед, а стояли на месте или пятились назад, значит и результат

перестройки будет тот же, что и в 1917 году, если не хуже. В истории все так переплетено, что любая попытка «перечеркнуть» какой-то период, какую-то из его составляющих, означает, что «перечеркиваешь» ты самого себя.

И эта тенденция, это движение к новой лжи одновременно есть движение к реакции. Ибо рано или поздно ложь обязательно осознается, и чем с большим упоением ты глумишься над поверженным противником, тем по большому счету придется платить тебе. Но в современном глумлении над прошлым есть одна особо неприятная черта — если после революции 1917 года «пляску победителей» устраивали люди, проливавшие в борьбе с противником кровь и сидевшие в тюрьмах, то современную «пляску» зачастую устраивают люди, работавшие в ЦК КПСС или видевшие в такой работе предел своих мечтаний. Но здесь мы естественно переходим к другому аспекту новой мифологии — к ее «мифу настоящего».

МИФ НАСТОЯЩЕГО

«Миф настоящего» в большевистской идеологии — это миф борьбы с «остатками эксплуататорских классов» и «капиталистическим окружением», которые становятся все агрессивнее по мере того, как мы приближаемся к светлому будущему.

Перестроечная революция создает очень похожий по структуре миф, но, пожалуй, с еще меньшими основаниями. Если революционеры 1917 года были настоящими героями (хотя к их героизму примешивалась вся грязь низменных человеческих страстей) и они произвели революцию сами, подняв народ, то у нас с героями дела плохи. Не мы добились своей кровью перестройки, а она пришла к нам сверху, из того самого бюрократического слоя, от которого мы этого ни-

как не ожидали. Почему наше революционное движение при Брежневе было предельно слабым и лишь в незначительной степени способствовало наступлению «перестройки», почему наша правящая верхушка выдвинула Горбачева и оказалась во много раз более способной на либеральные реформы, чем правящий слой царской России, — это сложные вопросы, о которых здесь можно не говорить. Но факт есть факт. Горбачеву понадобилось два года упорной работы, чтобы «раскачать» страну, пока мы поняли, что можно не бояться, что начальство действительно «разрешило свободу».

Но стоило нам догадаться, что Горбачев действительно связал себя намертво с процессом демократизации, мы сразу же закричали: «Долой Горбачева!» (пока были сомнения, кричать боялись). За отсутствием настоящих героев явились псевдогерои, усиленно создающие образ руководимого ими революционного народа в борьбе с темными силами.

Национальные движения также усилились именно тогда, когда были открыты реальные возможности для национальных возрождений и самостоятельности республик. И тут же начали заявлять о полном суверенитете и выходе из Союза. Унижавшиеся русскими сами стали унижать русских, и требующие свободы для себя — полностью игнорируют аналогичные требования своих нацменьшинств.

Теми, кто безропотно терпел десятилетия (и не будь Горбачева, до сих пор продолжал бы молчать) вдруг овладел «революционный энтузиазм». Те, кто не решался возразить собственному начальству, не подчиняются законам и декретам президента. И именно тогда, когда двери стали открываться, в них начали ломиться, создавая видимость, будто они открываются под нашим напо-

ром, и топча друг друга. «Революционная схема» овладела умами людей как раз тогда, когда для нее стали исчезать основания.

Откуда же эта мощь «революционной схемы», которая сама создает революционную ситуацию? Прежде всего — от естественной человеческой потребности упростить реальность. Действительные процессы и реальные проблемы бесконечно сложны. А тут есть простая и ясная схема, древняя, в готовом виде «лежащая» в подсознании и легко извлекаемая оттуда. Кроме того, реальность (не мы добились свободы, а она пришла к нам сверху) нас унижает, а схема нам льстит. Теперешней храбростью мы компенсируем прошлую робость и с удовольствием (и без особой опасности) осознаем себя борцами.

Но как всегда, к стремлению упростить ситуацию примешивается и сильный элемент прямого своекорыстия. На криках, на лозунгах легко выдвинуться, сделать карьеры, которые затем надо поддерживать, вопя все громче и громче. Стать лидером новой партии с «европейским» названием — это получить возможность ездить в Европу на встречи партийных лидеров. А борьба за немедленную независимость — это еще и борьба за открытие сотни посольств, в каждом из которых — посол да советники, так что на должности могут рассчитывать даже районные лидеры Народных фронтов. Какой же дурак предпочтет долгую, трудную работу над превращением своей страны в богатую, культурную и демократическую — перспективе борьбы за независимость, которая, если удастся, будет означать хорошую должность, а не удастся — даст возможность где-нибудь за границей написать мемуары о том, как «русские задушили нашу свободу».

Сегодняшние «революционные» и

национально-освободительные движения, возникшие не в настоящей борьбе — эфемерны. Для их подавления нужны самые минимальные силы. И именно в этом их опасность. У них нет сил для реального сопротивления, их основная сила — в нежелании Горбачева применить силу и уничтожить то дело, с которым он связал свою жизнь. Но в этой ситуации у них достаточно возможности для создания анархии, которая может сделать применение силы необходимым, и, если Горбачев на это не пойдет, найдутся другие люди. И если события будут развиваться так, как они развиваются сейчас, — этих людей поддержат «широкие народные массы».

МИФ БУДУЩЕГО

Теперешний миф будущего, заменивший миф коммунизма, — это рынок и капитализм. Это миф — не потому, что рынок — не нужен, но потому, что рынок превратился в сознании очень многих в «магическое» средство достижения богатства, в то же, во что превратился раньше лозунг «обобществления производства». Между тем, очевидно, что рынок сам по себе — ничто. Рынок есть и в Боливии, и в Колумбии, и в Уганде. Действительно, рыночная ФРГ жила лучше покойной ГДР, но социалистическая ГДР жила так, как не снилось нам и полякам, просто потому, что немцы умеют честно работать.

Рынок необходим, но путь к нему должен идти через уважение к договорам и законам, через честный труд и порядок. Только такой рынок не будет «рынком нищих». Мы же идем к нему через попрание всех обязательств, таможенные барьеры между республиками и чуть ли не между областями, через драку вокруг становящегося все более скудным общественного пирога. Такой рынок, к которому придут неподготовленные

психологически, деморализованные люди, обязательно будет рынком, при котором невозможность достать мясо сменится невозможностью его купить. Это будет рынок, при котором старики, еще помнящие советскую власть, будут рассказывать, что они могли купить в магазинах на свою зарплату, и дети не будут им верить...

* * *

Обрисованные выше тенденции к новой мифологизации, новой лжи и аморальности еще не зашли достаточно далеко. Есть и другие тенденции. В целом революционный процесс, особенно в России, разворачивается все так же относительно спокойно и умеренно. Тем не менее, эти тенденции проявились достаточно четко, чтобы можно было говорить о практической неизбежности реакции.

Но все же эту реакцию, хотя и трудно, но можно и опередить — если «коррективы», которые она внесет, внести самим. Надо прекратить пляску на костях революции 1917 года и истории СССР. Это отнюдь не значит, что ими надо восторгаться. Это значит лишь, что в гробы людей, отдавших жизни за свои идеалы (как бы ложны, с нашей точки зрения, эти идеалы ни были) плевать не стоит. Надо прекратить оргию революционной безответственности, уже достаточно проявившуюся коррупцию новых, «революционных» властей. Надо понять, что сейчас развал Союза — самоубийственен и что выдвигание нереальных требований означает лишь отказ от решения реальных проблем. Надо четко осознать, что рынок не заменит честного труда — и не нужен без честного труда и без уважения законов.

Если теперешнее демократическое движение сможет это, реакции не будет. Не сможет — Бог с ним, туда ему и дорога.

Через какое-то время придется начать все сначала.

«ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ»

Интервью с Александром ЯНОВЫМ

У профессора Нью-Йоркского университета, политолога и историка Александра Янова репутация проницательного человека. В свое время он предсказал трагедию Афганистана, затем неожиданный поворот событий на Ближнем Востоке, и совсем недавно предсказал отставку Маргарет Тэтчер. Ну, а поскольку среди советологов он известен как специалист по политическим изменениям в России, то не безынтересен его взгляд и на то, что осталось от перестройки.

— Еще три недели назад у меня было все в порядке с прогностической интуицией, но сейчас, когда апокалипсический бум достиг апогея, когда только и слышишь, что перестройка кончилась, становится не по себе: это может оказаться самооправдывающимся прогнозом, то есть закономерным результатом накликивания беды. Тут моя интуиция молчит.

— Вы могли бы охарактеризовать одной фразой, что происходит в СССР?

— Сколько угодно власти и никакого авторитета.

— И так же одной фразой: что, на Ваш взгляд, необходимо сделать, чтобы этого не было?

— Создать левоцентристскую коалицию.

— Их в истории России был не один десяток.

— Но если вспомнить, то все революции в России заканчивались жестокими контрреформами, уводящими страну со столбовой дороги цивилизации. Нынешняя реформа — не самая высокая плата за попытку вернуться в цивилизованное общество, и

поскольку она, реформа, всего лишь на завершающем этапе нулевого цикла, то у вас еще есть шанс не повторить кровавых уроков прошлого.

— Что вы понимаете под нулевым циклом?

— Я его сравниваю с разрушением старого дома, без чертежей нового. Когда в течение 1985--1990 годов слом затронул самый фундамент, не была учтена специфика любой реформы — длительное сосуществование старого и нового. Как бы то ни было, а в 1991 год вы вступаете с незавершенным нулевым циклом, который характеризуется неясностью перспектив. Опасность такого цикла в том, что он может оказаться последним. Однако экономист Шмелев, не самый большой оптимист, считает, — и это совпадает с моим инстинктом — перезищем!

— Вопрос в том — как?

— Отсюда берут отсчет три этапа перестройки. Первый — краткосрочный, второй — среднесрочный, третий — перспективный.

Первый этап — стратегия выживания, включает в себя три главные ве-

щи: стабилизация политической обстановки, релегитимизация власти, преодоление нулевого цикла. Поясню свою мысль: народу осточертело умирать за идею, перебиваясь с хлеба на квас, да и те не всегда есть в магазинах. Народ — давно западник по своей сути — хочет домой, в Европу. Изоляционисты, сторонники особого русского пути, сопротивляются этому. Их главный козырь — непрерывная эскалация социальной напряженности, противопоставление реформе мифического «порядка». Поэтому левоцентристская коалиция — средство, инструмент обезоруживания изоляционистов.

Но никакая коалиция невозможна без релегитимизации власти центра, власти, которая должна себя собрать со стенки, по которой себя же и размазала, ибо скорость ее распада опережает скорость роста нового авторитета. Пока же реформистская власть вынуждена опираться на силу — у нее нет власти. На этом краткосрочном этапе нельзя надеяться на экономическую помощь Запада. Между пузатым донором и голодным просителем не может быть равноправия.

— Почему Вы против экономической помощи Запада в условиях, когда страна на грани развала?

-- Эта помощь будет нужнее на втором длительном этапе, этапе радикальной модернизации экономики. В этом меня опять же убеждает ваша история. Россия — единственная в мире страна, которая всегда (эпоха Петра I, Александра III и Сталина) модернизировала экономику после жесточайших контрреформ, и впервые это происходит в условиях демократии. Чтобы сохранить последнюю, надо отдавать себе трезвый отчет в том, что на втором этапе неизбежны глубокие противоречия — безработица и социальное неравенство. Сгладить эти проблемы поможет то-

варный щит перестройки — одномоментное насыщение страны товарами широкого потребления, наводнение рынка малогабаритной техникой для фермеров и кооператоров, заполнение полок магазинов разнообразными продуктами, ввезенными из-за рубежа. Все это, подчеркиваю особо, — не трогай золотой запас. Он пригодится позже для радикальных перемен в экономике. Все это — за счет продажи на мировой рынок вторсырья, которого у вас, по данным Артема Тарасова, накопилось на 350—400 лет и которое ваши чиновники отказываются продавать, взамен предлагая нам золото, и тем самым сбивая цену на него на 30—40 процентов.

— Важный аргумент «верхов»: то, что Вы предлагаете — это хорошо, но это потребует еще и валюты, а ее у нас нет.

— У вас есть валюта. По моим подсчетам, для товарного кредита потребуется 80—82 миллиарда долларов. Они складываются из 15 миллиардов долларов, хранящихся в Швейцарском банке, которые можно заложить. Они складываются из извлеченных из-под земли запасов на случай войны — это поистине плоскинские запасы. И, наконец, имеет смысл заложить советские посольства за рубежом. Итого, вполне набирается сумма, необходимая для реализации товарного кредита.

— Александр Львович, Вы сами говорите, что ситуация критическая и медлить нельзя. Что вы считаете в этих условиях первоочередным?

— Я, пожалуй, не буду останавливаться на особенностях третьего этапа, он наступит после возвращения России в Европу. Было бы кощунственным рассуждать о благополучии после 2000 года, когда в 1990 году распад ядерной сверхдержавы не только дестабилизирует мир, но и угрожает существованию человечества.

ва как рода. Я считаю, что сегодня мировая общественность несет равную ответственность за перестройку в СССР. Но как это сделать, чтобы не было пустого звука от этой самой ответственности и вместе с тем, чтобы не произошло вмешательства во внутренние дела суверенного государства?

Я, конечно, не Госстрах и гарантий дать не могу, но на мой взгляд, коллективная ответственность за судьбу перестройки по силам Неправительственному Международному Комитету Согласия (НМКС), куда должны войти люди, как жена Цезаря, — выше всяких подозрений. Со стороны международного сообщества — это Вилли Брандт, Тед Тернер, Джимми Картер, Маргарет Тэтчер. С советской стороны — коллеги аналогичного калибра, которых вы должны предложить сами.

— Вы уверены, что Ваше предложение заинтересует авторитеты, которых Вы перечислили?

— Как Вы думаете, почему в Америке мне удалось найти спонсоров моей программы, а здесь до сих пор нет? Здесь все настолько заняты, что им не до развала собственной страны, а на Западе выражают готовность хотя бы что-то делать. Тед Тернер, например, с его могущественной Си-эн-эн, вещающей 24 часа в сутки, способен переломить общественное сознание западной публики, наблюдающей за перестройкой как сытый зритель, почти ничего не знающий о реальном положении в вашей стране. А если бы к программе «500 дней» был причастен НМКС, могло бы правительство СССР бесцеремонно отмалчиваться?

М. Горбачев уязвим в западном общественном мнении. Это его единственный политический капитал, которым он реально располагает. Не враг же он себе; кто бы посмел кастрировать программу Шаталина-Явлинского, читай ее весь мир? Смею вас

уверить, это понимают многие политики на Западе. Конечно, если я предложу Картеру или Тэтчер приехать в СССР, они будут в недоумении, но если это приглашение последует от советской стороны НМКС, — другой разговор.

— Александр Львович, Вы готовы к тому, что Вам могут дать понять, что Ваш прогноз утопичен?

— Я отчетливо понимаю, что рискую трижды. Во-первых, прогнозирую накануне зимы, которая способна погубить перестройку. Во-вторых, однозначно встаю на сторону Горбачева, в то время как его все критикуют, а я считаю, что он способен сementировать левоцентристскую коалицию. И, в-третьих, я выступаю за восстановление авторитета власти центра во имя недопущения балканизации страны. Всем силам, которые требуют сначала независимости, а потом демократии, следовало бы помнить, чем закончились попытки отделения от империи в 1917—1919 годах Украины, республик Закавказья, а чуть позже и Прибалтики.

Мой прогноз — сначала демократия, а потом независимость. Не только республикам, но и центру надо начинать с рынка, экономического союзного договора, ведь ни Литва, ни Грузия не собираются от СССР отделяться экономически.

— О Вашей программе знают официальные лица?

— Я делаю все возможное, чтобы они узнали о ней. Мой последний аргумент: не хотите слушать старого эмигранта — послушайте профессора, специализация которого — «Политические изменения в России». По моим подсчетам, перестройка — это четырнадцатая попытка страны прорваться в цивилизованное общество. Предыдущие тринадцать закончились трагически.

**Интервью взял
Владимир ЕМЕЛЬЯНЕНКО**

ДРУГОЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ

1921—1991: 70-ЛЕТИЕ НАЧАЛА ВЕЛИКОГО ГОЛОДА

Максим МЕЙЕР

Осенью и зимой 1990 года, оттеснив все другие проблемы, на первое место в Советском Союзе выдвинулась продовольственная. Целенаправленное и невольное муссирование этой темы в средствах массовой информации, панические сводки с полей, кошмарные слухи и пересуды, в которых все чаще мелькает знакомое слово «голод», подталкивают к поиску исторических аналогий.

Обращение к сравнительно недавнему прошлому характерно не только для официальных лиц и журналистов, но и для самих людей, видевших на своем веку голодные 1946, 1933, 1921—22 годы.

Особенностью современного кризиса, и это сближает его с 1921 годом, является широкая иностранная помощь, которой не было, да и не могло быть в 1933 и 1946 годах.

Этот фактор оказывает значительное влияние на все аспекты ситуации. Иностранная помощь не только открывает путь для быстрого решения продовольственной проблемы, но и делает ее более сложной. Советская экономическая структура не готова к тому, чтобы принимать помощь. Не хватает машин, поездов, бензина, лю-

дей. Но главное, она не готова к распределению того, что будет поступать. Основная масса продовольственной помощи, по вполне понятным законам постсоциалистической экономики, не дойдет до тех, кому была адресована, как это уже случилось в декабре 1988 года в Армении. Перед дарителями и советской стороной встает в этой ситуации проблема — не только кого кормить, но и как накормить.

В истории Советской России был всего один пример решения этой проблемы — деятельность организации АРА на территории РСФСР в 1921—1923 годах.

Однако прежде чем обратиться к нему в попытках копировать, необходимо сравнить условия и размеры голода 1921—22 годов и продовольственных нехваток 1990 года, а также объем и характер предоставлявшейся тогда и необходимой сейчас помощи.

МАСШТАБЫ ГОЛОДА

Пик голода приходился, по данным статистики, на зиму 1922 — лето 1923 года. В это время число голодав-

ших составляло соответственно 15 и 23 миллиона человек. В 1923 году среди них было 12.895 тысяч взрослых и 11 миллионов детей. Особенно пострадали Калмыцкая, Татарская республики, Чувашская, Марийская области, Челябинская губерния — в них голодало до 90 процентов населения. В Астраханской, Самарской, Царицынской, Вятской, Вотской областях, Республике немцев Поволжья, Башкирии, Киргизии и Запорожской области — от 70 до 90 процентов. В Саратовской, Уфимской и Крымской областях от 5 до 70 процентов.

Голоду сопутствовали эпидемии, коснувшиеся 1,5 миллионов человек, не считая беженцев. В момент наибольшей вспышки тифа и холеры в марте 1922 года одновременно болело 160 тысяч человек. Смертность от голода и болезней достигла 10,4 процентов. Убыль населения в голодных районах, отчасти умершего, отчасти бежавшего, за три года (1920—1923) составила 4,3 миллиона человек.

Согласно решению ВЦИК, борьбу с голодом на территории страны возглавил образованный 18 июля 1921 года Центральный Комитет помощи голодающим (ЦК Помгол). Комитет был наделен чрезвычайными полномочиями в области снабжения и распределения продовольствия. С осени 1921 года помощь голодающим наряду с Помголом возглавила АРА.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ПОЛУЧЕНИЯ ПОМОЩИ

Весной и летом 1921 года многочисленные зарубежные фонды, благотворительные организации и частные лица начали пытаться оказывать помощь голодающим. Но страна, только что окончившая войну, не решалась принять дары из рук недавних врагов.

Тем временем, в условиях надви-

гающегося голода и растерянности Советского правительства, произошла активизация общественных и научных организаций, деятельность которых по идеологическим мотивам была свернута в период гражданской войны. В июне 1921 года проходивший в Москве Всероссийский съезд по опытному сельскохозяйственному делу постановил направить делегацию в Кремль с требованием обеспечить участие ученых в составлении планов борьбы с голодом. Посредником между интеллигенцией и большевистским правительством выступил М. Горький. Ленин принял предложение интеллигенции и 21 июля был опубликован Декрет о создании Всероссийского комитета помощи голодающим под председательством В. Г. Короленко. Пленум ЦК предоставил ВКПГ право приобретения продовольствия за рубежом, денежные сборы среди населения и распределения средств среди голодающих. Начался активный процесс создания филиалов ВКПГ за границей среди эмиграции. В США, например, в состав такого филиала вошли С. В. Рахманинов, Н. К. Рерих, профессор Корф.

Деятельность комитета, претендовавшего на значительное политическое влияние и ставшего в какой-то мере оплотом оппозиции, явно принимала невыгодное властям направление. Инициатива борьбы с голодом переходила в руки общественности.

Одновременно активизировалась позиция церкви. В июле патриарх Тихон обратился к патриархам Кентерберийскому и Нью-Йоркскому с просьбой о помощи. Священнослужители-эмигранты агитировали за направление продовольственной помощи и пожертвований непосредственно на имя Тихона, доверяя только ему их распределение.

В конце июля в центрах белой эмиграции также началась разработка

плана создания Комитета помощи голодающим России.

Под давлением обстоятельств, боясь выпустить из рук инициативу помощи голодающим, а стало быть и власть на территории 18 губерний, правительство РСФСР начало зондаж позиции американцев по вопросу организации продовольственной помощи. Условием ее получения с советской стороны было признание американцами единственной возможности распределения продовольствия через органы Советской власти. На вопрос М. Горького 26 июля был получен ответ и предложения руководителя АРА Г. Гувера. За этим последовала Нота правительства РСФСР правительствам всех стран с уведомлением о том, что «Российское правительство не будет чинить трудностей и препятствий желаниям иностранных организаций и частных лиц оказать любую помощь России».

16 августа Женевская конференция Лиги Наций приняла решение об оказании помощи России и избрала Верховными комиссарами (по координации помощи) известного полярного исследователя и общественного деятеля Ф. Нансена и министра торговли США, руководителя АРА Г. Гувера.

18 августа между Гувером и советской делегацией, возглавляемой заместителем наркома иностранных дел РСФСР М. Литвиновым начались переговоры в Риге. 20 августа они завершились подписанием Соглашения, определяющего принципы функционирования представителей АРА на территории РСФСР. 27 августа, заручившись поддержкой американцев, ВЦИК распустил ненужный ему более Всероссийский комитет помощи голодающим. Местные комиссии Комитета, однако, продолжали действовать, сотрудничая как с Помголом, так и с уполномоченными АРА.

Несмотря на Рижское соглашение,

обеспечивающее паритет для советских и американских служащих в наборе кадров местных организаций, между ними постоянно возникали трения. Советские представители обвиняли американскую администрацию в пристрастном отношении к набираемым кадрам. Советских чиновников раздражало, что американцы в основном берут на работу интеллигентов, бывших служащих царских учреждений и сотрудников распущенных большевиками общественных организаций. Соответственно возникли обвинения американцев в контрреволюционной деятельности. Несмотря на многочисленные Декреты ВЦИК и личные распоряжения Ленина, деятельность АРА на местах часто блокировалась советскими чиновниками. Нежелание помогать и настороженное отношение к американцам было характерно для всего периода деятельности АРА на территории РСФСР. Еще во время проведения предварительных переговоров с американской стороной 11 августа Ленин писал в записке Политбюро: «Условия поставить архистрогие. За малейшее вмешательство во внутренние дела — высылка и арест».

Деятельность АРА в России закончилась в 1923 году, когда угроза голода стала постепенно сходить на нет.

ФОРМЫ ПОМОЩИ

Основной формой помощи АРА голодающим, в первоначальном варианте — детям, было открытие столовых. Столовые, согласно Рижскому соглашению, принадлежали АРА и питание происходило только в них и только продуктами, завезенными АРА. Отпуск продуктов на дом был запрещен.

Организацию столовых и зачисление на довольствие голодающих детей производила особая комиссия, со-

стоящая из сотрудников АРА и представителей Советской власти на местах. Первоначально, всеми организационными вопросами занимались созданные осенью 1921 года советско-американские комитеты помощи детям. Для зачисления ребенка в столовую необходимо было решение медицинской комиссии.

Состав рациона, который получали голодающие дети во всех районах, где действовали столовые АРА был почти одинаков и может быть представлен следующим меню (в граммах):

<i>Понедельник</i>	Первое блюдо.	Второе блюдо	
	Сладкое какао	Хлеб	
	какао — 13.7	мука	98.5
	сахар — 39.3		
	молоко — 65		
	мука — 9.8		
<i>Вторник.</i>	Рисовый пудинг		
	сахар — 15.75	хлеб —	
	рис — 68.8	мука	88.7
	молоко — 39.9		
<i>Среда.</i>	Рис с лапшой		
	молоко — 19.2	хлеб —	88.7
	мука — 49.2		
	рис — 49.2		
<i>Суббота</i>	жиры — 19.6		
	Бобы		
	мука — 19.6		
	бобы — 137.9		
	жиры — 19.6		

Четверг как в понедельник, пятница как во вторник, воскресенье как в среду. Калорийность меню — 770 калорий в сутки, что не могло быть достаточным. Однако подобные условия кормления оговаривались Соглашением: паек, получаемый в столовых АРА, мог быть только дополнительным.

РАЗМЕРЫ ПОМОЩИ

Договор Советского правительства с АРА предусматривал создание американцами системы помощи голодающим детям. Первоначально АРА обязалась безвозмездно накормить 1 миллион детей. Однако уже к зиме 1921 года стало очевидно, что эта цифра не соответствует реальным масштабам голода. К тому времени голодало уже около 10 миллионов человек, из них половина — детей. АРА пересмотрела свои обязательства. В 1922 году на довольствии АРА состояло 3.9 миллиона детей и 5.5 миллиона взрослых, то есть 9,4 миллиона человек. Для взрослых, кормление которых АРА начала с зимы 1922 года, паек достигал 1236 калорий в сутки и выдавался на руки в сухом виде. В порядке непродовольственной помощи АРА поставила в РСФСР 230,4 тысячи пар обуви, 79,3 пар белья, 327,8 тысячи пар чулок, 80,2 тысячи платьев, 53 тысячи пальто.

В ходе борьбы с эпидемиями АРА создала 1724 больницы и 815 амбулаторий.

С 1921 по 1923 год в той или иной форме помощь АРА получили около 20 миллионов человек, продовольственную — около 10 млн.

ВЫВОДЫ

Не нужно быть историком или экономистом, чтобы заметить несводимость ситуации 1921 и 1990 годов. В первую очередь это объясняется не столько размерами, сколько различными причинами голода начала 20-х и продовольственных нехваток начала 90-х годов. Голод 1920—1923 годов был вызван, в первую очередь, резким сокращением рабочей силы на селе за счет миллионов мужчин, уби-

тых на войне с 1914 по 1920 годы, эмигрировавших, сражавшихся в 5-ти миллионной Красной Армии и исчисляемых тысячами в партизанских отрядах. Именно нехватка рабочих рук вызвала резкое падение урожайности и площади посевов. А это, в свою очередь, повлекло за собой голод, усиленный двухлетней засухой, продовольственными реквизициями и полным развалом транспорта.

Продовольственные нехватки 1990 года имеют совершенно другой механизм. Они нарастают в условиях сохранения стабильных посевных площадей и даже немного повышающейся урожайности. Железные дороги еще не разрушены, в наличии даже бензин. Конечно, и голода похожего на 1921 год тоже нет. Продовольственные карточки так или иначе отовариваются. Отсутствие продовольствия как такового не ощущается. Продукты, отсутствующие в магазинах, почти всегда можно приобрести на рынке, в коммерческом или кооперативном магазине. Это определяет принципиальное отличие от 1921 года.

Тогда вопрос был в наличии продовольствия как такового, сейчас разговор идет в основном о ценах. Голод 1991 года не грозит всем. Он касается только тех, кто не может покупать продукты на рынке, по коммерческим ценам или обедать в ресторанах. Ощущение паники создает не столько исчезновение товаров, сколько рост

цен, делающих значительное количество продуктов недоступными для более чем одной четверти населения. Основной причиной продовольственных нехваток 1990 года является лагетная забастовка в народном хозяйстве и введение «дефакто» рыночных отношений и рыночных цен.

Определенные аналогии с 1921 годом возможны лишь в вопросе о международной помощи. Сейчас, как и тогда, правительство использует советские и зарубежные средства массовой информации для получения наибольшего количества помощи, при этом желая сохранить свою монополию на ее распределение. Однако Запад, наученный горьким примером исчезновения в недрах советской системы помощи Армении, уже не так наивен. Использовать государственную торговлю СССР для распределения продовольствия — это же все равно, что передать его на Рижский рынок. Эта ситуация все еще не получила своего решения, но не исключено, что опыт организации продовольственной помощи АРА на территории РСФСР в начале 20-х годов может стать достаточно актуален. И вполне вероятно, что в очередях за продуктовым пайком в «перестроечной» Москве 1991 года мы встретим стариков и старух, в 1921 году выживших благодаря восьмиста калориям в день от АРА — ранней, и давно забытой формы западной солидарности с неудачливыми экспериментаторами Востока.

СОГЛАШЕНИЕ МЕЖДУ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ РСФСР И АМЕРИКАНСКОЙ АДМИНИСТРАЦИЕЙ ПОМОЩИ

20 августа 1921 года

Принимая во внимание, что некоторые районы России охвачены голодом, принимая во внимание, что г-н Максим Горький с ведома Российской Советской Федеративной Социалистической Республики обратился через г-на Гувера к американскому народу с призывом об оказании помощи голодающим и больным, в особенности детям, в пораженных голодом районах России, принимая во внимание, что г-н Гувер и американский народ восприняли с большим сочувствием этот призыв русского народа, находящегося в бедственном положении, и желают по чисто гуманным соображениям прийти к нему на помощь, принимая во внимание, что г-н Гувер в своем ответе г-ну Горькому сообщил, что Американская Администрация Помощи могла бы оказать дополнительную помощь миллиону находящихся в России детей, между Американской Администрацией Помощи, являющейся неофициальной добровольной американской организацией благотворительного характера, возглавляемой г-ном Гувером и в дальнейшем именуемой АРА, и Российской Советской Федеративной Социалистической Республикой, в дальнейшем именуемой Советские Власти, достигнуто соглашение о том, что АРА будет оказывать русскому народу ту помощь, которая в ее силах, с тем, что нижеследующие условия будут приняты и будут выполняться Советскими Властями, которые настоящим заявляют, что имеется нужда в такой помощи со стороны АРА. Советские Власти соглашаются на нижеследующее. 1) АРА мо-

жет посылать в Россию тот персонал, который она сочтет необходимым для выполнения своей работы, а Советские Власти гарантируют ему полную свободу и защиту во время пребывания его в России. Как неамериканцы, так и американцы, которые задерживаются в Советской России с 1917 года, будут с согласия Советских Властей допускаться на работу.

2) Советские Власти по просьбе АРА незамедлительно предоставят упомянутому в п. 1 персоналу возможности для въезда в Россию и выезда из нее, а во время пребывания упомянутого персонала в России Советские Власти будут обеспечивать ему полную свободу въезда, выезда и передвижения по России по служебным делам и будут снабжать его всеми необходимыми документами, как-то: охранные грамоты, открытые листы и прочее с целью облегчить его передвижение.

3) При наиме персонала на месте из числа русских и других лиц АРА будет пользоваться полной свободой выбора и Советские Власти будут по просьбе АРА оказывать ей в этом содействие.

4) После того, как АРА сдаст свои грузы помощи в русских портах Петрограда, Мурманска, Архангельска, Новороссийска или в других русских портах, по взаимной договоренности, или в ближайших практически доступных портах в сопредельных странах, по усмотрению АРА, Советские Власти будут нести все дальнейшие расходы, как, например, расходы по разгрузке, транспортной обработке, погрузке и перевозке в места

расположения внутренних баз в районах, где АРА будет производить свои операции. В случаях простоя судов или хранения грузов на складах в упомянутых выше портах, признанных по взаимной договоренности подходящими, расходы, связанные с простым или хранением, несут Советские Власти. Применительно к настоящему соглашению порты Риги, Ревеля, Либавы, Ханко и Гельсингфорса рассматриваются как подходящие порты. В тех случаях, когда Советские Власти должны будут производить приемку грузов на условиях поставки СИФ, советские представители в соответствующих портах будут уведомляться об этом не позднее как за пять дней

5) Советские Власти будут за свой счет предоставлять необходимые склады для хранения грузов в местах расположения внутренних баз, упомянутых в п. 4, и обеспечивать транспортную обработку и перевозку грузов с этих баз в любые другие пункты внутри страны, которые могут быть указаны АРА.

6) При всех упомянутых выше операциях по хранению и перевозке грузов помощи Советские Власти предоставляют АРА те же преимущества, по сравнению с любыми другими грузами, какие предоставляются Советскими Властями своим собственным грузам помощи, обеспечивая при этом надлежащую охрану и конвоирование.

7) Советские Власти обеспечат свободный ввоз и обратный вывоз всех грузов АРА любого рода и дадут гарантию в том, что эти грузы не будут подлежать реквизиции. При реэкспорте грузов АРА будет выплачивать Советским Властям понесенные ими в связи с этими грузами расходы.

8) Грузы помощи предназначаются только для детей и больных, определяемых АРА в соответствии с п. 24, и они остаются собственностью АРА, пока не будут фактически использованы этими детьми и больными, среди которых они подлежат распределению от имени АРА.

9) Никто из получающих пайки АРА не должен быть лишен тех местных пайков, которые выдаются остальному населению.

10) Советские Власти гарантируют и принимают все меры для того, чтобы

грузы помощи, принадлежащие АРА, использовались не для нужд взрослого населения вообще или для нужд армии, флота или государственных служащих, а лишь для помощи лицам, указанным в п.п. 8 и 24.

11) Советские Власти обязуются возместить АРА в долларах по цене СИФ или в натуре стоимость любых грузов помощи, использованных не по назначению.

12) АРА будет иметь право создавать необходимые организации для выполнения своей работы по оказанию помощи без какого-либо правительственного или иного вмешательства. Центральные или местные органы Советской власти имеют право быть в них представлены

13) Советские Власти обеспечат:

а) необходимые помещения для кухонь, распределительных пунктов и, по мере возможности, для госпиталей;

б) необходимое топливо, а там, где это возможно, принадлежности для приготовления, распределения и подачи пищи;

в) полную оплату расходов, связанных с местной администрацией помощи, приготовлением и распределением пищи и т.д., самостоятельно или совместно с местными властями. Порядок оплаты имеет быть установлен в дальнейшем;

г) по просьбе АРА тот местный медицинский персонал и ту помощь, удовлетворяющие АРА, поскольку они необходимы для эффективного оказания ее помощи;

д) бесплатное пользование железнодорожным, автомобильным, водным и другими видами транспорта для перевозки грузов помощи и того персонала, который требуется для эффективного контроля за операциями по оказанию помощи. Советские Власти на время деятельности АРА безвозмездно предоставят АРА в исключительное пользование ее персонала и для ее перевозок железнодорожные вагоны, которые АРА может с основанием потребовать.

14) в тех местах, где АРА будет вести свои операции и где свирепствуют эпидемии, Советские Власти дают ей право принимать те меры, которые могут оказаться необходимыми для улучшения санитарных условий, охраны водоснабжения и т.д.

15) Советские Власти безвозмездно предоставят АРА необходимые служеб-

ные помещения, гаражи, склады и т.д. для ее операций, а там, где это возможно, отопление, освещение и воду для этих помещений. Кроме того, они предоставят в распоряжение АРА надлежащие жилые помещения для персонала АРА во всех местах, где АРА будет вести свои операции. Все упомянутые выше помещения не подлежат захвату или реквизиции. Обыски в упомянутых помещениях могут производиться лишь с ведома и в присутствии лица, возглавляющего операции АРА в России, или его представителя и лишь в случае явного правонарушения, причем производящий обыск будет нести ответственность в том случае, если обыск окажется необоснованным.

16) Советские Власти безвозмездно предоставят АРА полную свободу и первоочередность в пользовании радио, телеграфом, телефоном, почтовой связью и курьерами в России и передадут АРА там, где это возможно, и при условии согласия подлежащих властей, в полное и безвозмездное распоряжение частные телеграфные и телефонные провода и их обслуживание.

17) АРА и ее американским представителям, а также ее курьерам предоставляются обычные дипломатические привилегии в отношении переезда границ.

18) АРА будут бесплатно предоставлены бензин и смазочные материалы, необходимые для эксплуатации ее автотранспорта, и обеспечена перевозка этих автотранспортных средств по железным дорогам или иным путем, как это может потребоваться.

19) По просьбе подлежащих органов АРА весь персонал АРА вместе с его оборудованием и запасом будет обеспечиваться свободными от оплаты перевозками по русской территории.

20) АРА будет разрешен ввоз и вывоз без обложения пошлинами и без реквизиций транспортных средств и канцелярского оборудования, необходимых для ее персонала и администрации.

21) Советские Власти ознакомят русский народ с целями и методами работы АРА по оказанию помощи с тем, чтобы облегчить быстрое и эффективное развитие таковой, а также будут содействовать предоставлению американскому народу надежной и аполитичной инфор-

мации о существующем положении и ходе работы по оказанию помощи, что должно способствовать расширению финансовой поддержки со стороны Америки.

22) Советские Власти принимают на себя все расходы, связанные с операциями по оказанию помощи, за исключением:

а) стоимости грузов помощи в порту (см. п. 4);

б) прямых расходов американских органов контроля и наблюдения за работой по оказанию помощи в России, за исключением изложенного выше. Советские Власти будут вообще оказывать АРА всю ту помощь, которая будет в их силах, с целью содействовать ей в выполнении ее гуманной деятельности по оказанию помощи.

АРА соглашается:

23) В пределах возможности и имеющихся ресурсов немедленно после создания надлежащей организации приступить к снабжению пищей, одеждой и медицинской помощью больных и в особенности детей установленного АРА возраста.

24) Помощь больным и детям будет оказываться независимо от их расы, религии или социального и политического положения.

25) Персонал АРА в России будет строго ограничиваться предоставлением помощи и не будет заниматься какой-либо коммерческой или политической деятельностью. Имея в виду п. 1 и то, что американский персонал в России не подлежит личному обыску, аресту и задержанию, любые лица из числа упомянутого персонала, нарушающие это положение, будут по просьбе центральных Советских Властей отозваны или уволены со службы. Центральные Советские Власти будут представлять руководителю АРА соображения, послужившие основанием для такого рода просьб, и имеющиеся в их распоряжении доказательства.

26) АРА будет проводить свои операции там, где она сочтет, что ее помощь может быть предоставлена наиболее эффективно и может принести наилучшие результаты. Ее главной задачей является оказание помощи в пораженных голодом районах Поволжья.

27) АРА не будет ввозить в своих грузах

помощи алкоголя и соглашается на таможенный досмотр импортируемых ею грузов помощи в пунктах, устанавливаемых по взаимному соглашению. Поскольку Советские Власти согласились с тем, что непременным условием любой помощи со стороны американского народа является освобождение всех американцев, задерживаемых в России, и облегчение выезда из России для всех желающих покинуть ее американцев, АРА оговаривает свое право приостановить на время или прекратить всю свою работу по оказанию помощи в России в том случае, если Советские Власти не выполнят целиком этого основного условия или какого-либо из условий, установленных в изложенном выше соглашении. Советские Власти равным

образом оговаривают свое право аннулировать настоящее соглашение в том случае, если АРА не выполнит какого-либо из изложенных выше пунктов. Совершено в Риге двадцатого августа тысяча девятьсот двадцать первого года.

**По уполномочию Совета Народных
Комиссаров Российской Советской
Федеративной Социалистической
Республики
Максим Литвинов,
Заместитель Народного Комиссара
по Иностранным Делаем,
По уполномочию Американской Ад-
министрации Помощи
Уолтер Лайман Брау,
Директор для Европы.**

БЫЛ ЛИ МАЯКОВСКИЙ?

(Юлий Халфин. Апостол хозяина. № 8/90)

Я долгое время был восторженным поклонником Маяковского, и не только — раннего. Начиная с 9-го класса и почти до седых волос. До сих пор люблю всего раннего Маяковского и многие стихи и отрывки из Маяковского позднего.

Не скрою, что ко многим его «поздним» стихам я охладел и воспринимаю их теперь весьма критически, но это и не заслуга и не вина моя. Просто рядовому человеку многое стало ясно в силу осмысления жизни и пройденного пути.

Как это ни странно, Маяковский для меня теперь больше всего ассоциируется с личностью и характером Льва Троцкого. Они сходны масштабом человеческой одаренности, стихийным бунтарским духом, обреченностью на одиночество и ... политической близорукостью, наивностью, доходящей до недалекости.

Маяковский сейчас для меня ярчайший пример человека, у которого гениальность находится в противоречии с отсутствием мудрости, недостатком ума...

Когда-то Серафима Бирман сказала одному гениальному артисту, но слабому человеку: «... ты просто — лужа, в которую заглянул Бог!»

Маяковский — гениальный Зомби

революции, похожий на нее, влюбленный в нее... Но великие революции всегда мельчают, вырождаются и в страхе, как Кронос, пожирают своих самых преданных и безоглядных детей. Маяковский погиб потому, что слишком высоко торчал над измельчавшей революцией, над ее новой железнобокой бюрократией — эту заметную голову, все равно, рано или поздно бы,— срубили.

Теперь о Маяковском как Антихристе. Да он был воинствующим врагом религии и «буржуазного» гуманизма. Это началось рано, когда непокорный Володя вынужден был присутствовать на богослужениях на грузинском языке и вместо «... сариса, кудлиса, именитриса...» шептал: «Крутится колесо, чтобы было хорошо». Поэт — всегда бунтарь...

Вышвырнутый из 5-го класса, Владимир не в силах был отделить Бога, Христа, Богородицу от церкви и церковников, службу Богу от службы самодержавию. Кроме того, революционизм в молодости всегда сочетается с анархизмом, и отрицание начальства простирается от ненависти к исправнику и царю земному до Царя Небесного. Кем мог быть Бог для молодого революционера? Лживым мифом или несправедливым небес-

ним властителем, освятившим все «свинцовые мерзости» земного самодержавия.

Воинствующий атеизм большевик-поэт, естественно, принял один к одному, и Бог — для него — символ несправедливой власти.

Маяковский — гениальное поэтическое воплощение черно-белого восприятия мира. Гений в пределах ограниченного зрения, гений-дальтоник.

Боюсь, что его низвержение может стать воплощением бело-черного вос-

приятия, которое не лучше черно-белого.

Маяковский велик и грагичен, чист и кровав, мудр и глуп, противоречив, строен и нелец, как весь наш семидесятилетний путь. Он остается нашим зеркалом, а рожа наша еще долго будет крива.

Пока существует история, будет существовать и Маяковский — ее гениальное, изувеченное дитя.

(подпись неразборчивая),
г. Москва

ИСКУССТВО ЗАБЫВАТЬ

Безусловно приятно печатать письма озлобленных староверов вперемешку с прогрессивными диалогами типа Л. Сараскиной и А. Кабакова (№ 4/90). С одной стороны, журнал демонстрирует широкий плюрализм мнений, ненавязчиво подчеркивая умственное убожество своих оппонентов, с другой, — диалог превращается в нечто подобное монологу, ибо голоса Л. Сараскиной и А. Кабакова звучат в унисон, дополняя и развивая друг друга. Пишу же потому, что действительно уважаю ваш журнал. У меня нет охоты вступать в переписку с «Нашим современником», «Молодой гвардией» и другими одиозными изданиями, по поводу беспардонной лжи, заполняющей их страницы. К вам же обращаюсь в надежде не переубедить, но хотя бы чуточку задуматься, остановиться, пусть на миг, перед той же слепящей, затмевающей разум, эмоциональной волной несправедливости к прошлым кумирам: В. И. Ленину, Октябрьской

революции.

Мне нравится ваш журнал именно за стремление показывать историю не как черно-белое действие, но как многоцветную картину со сложным переплетением самых различных оттенков. Когда несвободный человек политически просыпается и получает волю высказываться, он берется гвоздить той дубиной, к которой так привык его разум и прикипели его руки. Поэтому под крики о разрушенных памятниках крушатся новые, и на прежние постаменты, вместо одних, ставят другие изображения.

Вернусь к «диалогу» Л. Сараскиной и А. Кабакова. Я не являюсь специалистом именно по проблемам 1917 года, но все же попытаюсь обратить ваше внимание на несколько моментов. А. Кабаков (которому я благодарен за «Невозвращенца») заявляет, что увидел недавно впервые оригинал «Декрета о земле», не нашел там слов «земля — крестьянам». Там сказано, что отчуждается в пользу государства

земля... создается система недемократической, унифицированной, тоталитарной собственности, которой не было в истории». Но читал ли А. Кабаков резолюции крестьянских съездов 1917 года? Я очень рекомендую познакомиться, например, с книгой «Труды второй сессии Главного земельного комитета» 1, 2 июля 1917 г. ПГ.; 1917 г. Там выступали не большевики, выступали их противники,— люди, знавшие чего хочет деревня. Вот несколько цитат: Трушин П. А. (Пензенская губ.) «... его разумение (крестьянина) таково, что земля ничья и ею пользоваться может всякий своим личным трудом»; Вазилло А. Т. (Могилевская губ.) «... ждать того времени, с пустыми желудками, когда Учредительное собрание скажет свое слово, мы не можем и не хотим»; Матвеев И. П. (Ярославская губ.) «воля крестьян выявилась в том смысле, что земля должна быть достоянием трудового народа и что выкупа на землю ... быть не должно» и т.д. и т.п. И если в мае 1917 на Всероссийском съезде Советов крестьянских депутатов резолюция, предложенная В. И. Лениным, получила всего 6 голосов, а резолюция В. М. Чернова около 800, то «Декрет о земле», взявший эсеровскую программу, был поддержан подавляющим большинством крестьянства.

Сегодня из В. И. Ленина пытаются сделать буквально Антихриста, забывая, что российская революция была подготовлена всем историческим развитием страны, начиная с Петра I (именно он при всех заслугах создал бюрократически-командную систему). Отдавая должное Александру II, начавшему «революцию сверху», не забудем о том, что она не была доведена до конца. Давайте, наконец, вспомним о той колоссальной пропасти, которая разделяла тонкий слой образованных людей и огромную толпу народа. А разве можно забыть,

с каким высокомерием описывает В. Набоков Марининский дворец в первые дни марта 1917 года, куда хлынули толпы лохматых, плохо одетых и не умеющих вести себя здесь людей. Почему же, становясь на сторону живой реальной демократии, которая тоже внутренне противоречива и не свободна от эмоций и крайностей, вы напрочь отвергаете большевиков 1917 года, за которыми к осени действительно пошли основные массы трудящегося населения?

Любят ссылаться на выборы в Учредительное собрание. А я спрошу вас: состав первого съезда народных депутатов РСФСР полностью отражал настроения масс? Ведь Борис Ельцин был избран председателем Верховного Совета с минимальным перевесом. А если бы победил Иван Полозков, в полном соответствии с демократической процедурой,— вы бы согласились, что такова воля народов России? Но ведь в Москве, Петрограде, на ближайших к ним фронтах большевики получили не 24 процента голосов, а около 50 процентов и более.

Разгон Учредительного собрания представляется нам сегодня серьезнейшей ошибкой. Но могло ли оно принимать какие-либо решения, если из 700 избранных депутатов после ухода большевиков и левых эсеров осталось около 250? О каком кворуме здесь речь?

Я, наверное, пишу косноязычно, скучно, но я хочу достучаться до ваших сердец, а еще более до вашего разума. Нельзя говорить только о «красном» или «белом» терроре. Нельзя просто брать на веру обвинения противоборствующих сторон. Надо, наконец, воссоздать подлинную картину крестьянской, рабочей психологии 1917 года, других социальных слоев, а не пользоваться удобными схемами: черными или белыми.

«Весь характер современного

момента,— говорит оратор,— ставит на очередь движение в сторону коллективизации...» Большевик? А ведь это выступление Чернова на Первом Всероссийском съезде Советов в июне 1917 года — выступление вождя самой популярной крестьянской партии. И надо уметь объяснить подобные вещи.

А разве не схожи генералы Каледин и Корнилов с генералом Макашовым в их стремлении к «твердой власти», «порядку» вместо «разной там демократии»? Разве приказ Корнилова выставлять тела солдат, казненных за нежелание воевать, на перекрестках дорог с соответствующими надписями не означал уже начала гражданской войны и не был сам по себе лучшей агитацией за большевиков?

Нельзя на место одной лжи ставить другую.

Интеллигенция, в руках которой оказалась власть в марте-октябре 1917, не справилась с этой ношей. Правительство, которое лишь призывало народ к терпению и жертвам, ничего ему не давая, не решая ни одной из насущных проблем, стремительно растеряло запас доверия, имевшийся в марте. И гибель этой власти была закономерна. Вдумайтесь в слова неизвестного автора (они были напечатаны 15 октября 1917 года в журнале «Продовольствие», органе Нижегородской губернской продовольственной управы): «Обанкротились не «товарищи» и «доктринеры», а все наше интеллигентное общество, оказавшееся неспособным взяться за дело, применившее к государственным делам практику культурно-просветительских обществ, в которых много было разговоров, взаимной критики, пикировок,

но мало дела. Уж очень мы любим объяснять все некультурностью и безграмотностью широких масс, засильем «демагогов» и т.п., на себя же не оглянемся, а виноваты-то прежде всего мы, интеллигенция.

... Самодержавно-бюрократический строй... развалился под влиянием экономической разрухи, с которой не мог справиться, и не в силах справиться пришедшая на смену бюрократии общественность».

Хорошо бы сегодняшним «властителям дум» почаще задумываться над этими словами безвестного интеллигента, осознать, что мало разрушить и прогнать старую власть, надо еще создать новый работающий механизм.

Давайте же наконец вспомним, что смысл политики — увеличивать число друзей и союзников и уменьшать число противников. Мы же все время вновь и вновь раскалываем общество, причем не только по действительно важнейшим проблемам гласности, демократии, экономической реформы, но и по вопросу ликвидации памятников, переименования улиц и городов, взаимных территориальных претензий. Давайте не забывать, что нередко, может быть, помимо воли авторов, их выступления «звучат к топору». Давайте не забывать, что безоглядная бешеная критика старой власти ставит под свои знамена и люмпенов,— те слои, которым все равно, кого громить и ради чего громить. «Добрыми намерениями вымощена дорога в ад»; не будем относить эту фразу лишь к нашим предшественникам.

Владлен ИЗМОЗИК,
кандидат исторических наук,
г. Ленинград.

ВЫБЕРЕМ НОЧЬ ПОТЕМНЕЕ...

На Украине сносят памятники В. И. Ленину. Сносят памятники вождю мирового пролетариата, основателю коммунистической партии, гениальному философу, самому человеческому человеку, дедушке Ленину. «Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить!», «Ленин и теперь живет всех живых!» Но заклинания, магически действовавшие на протяжении семи десятилетий, утратили свою магию, лопнули. Ленин перестал пугать своим бессмертием, как и обещанием, что «мы придем к победе коммунистического труда».

..Как-то давно, лет пятнадцать назад, я стояла на автобусной остановке. Моросил холодный дождь, я безнадежно опаздывала, автобус не шел. Рядом хохлилось еще с десятков неудачников. «Господи, ну где эта чертова колыхага..?» И вдруг мимо остановки по лужам прошагала лошадь. Возница отрешенно держал вожжи, а с телеги смотрел на нас... бьют Ленина!

...Именем революции рушили церкви, свергли колокола, драли иконы, переименовывали улицы и города.

Новое божество было маленьким и каргавым, но обещало мир, хлеб и землю. Уходя, Ильич оставил негасимую веру в недалекое счастье. Теперь все должно было освящаться именем Ленина. Божество поместили в Мавзолей. Отныне святым мощам предназначалось укреплять дух народа и власть наследника ленинских идей Сталина. После смерти апостола учителю пришлось потесниться в своем саркофаге и уступить значительную часть бронзы, мрамора и гипса на повсеместные изваяния отца уже всех

вообще народов.

...И вот теперь большую часть памятников придется демонтировать. Варварство это или народный гнев, но снос будет продолжаться. Не танками же каждую статую окружать! Снос будет продолжаться, потому что Ленин, независимо от его собственных намерений и первоначальных замыслов,— символ неудавшегося счастья, символ краха коммунизма, утопической идеи, за которую погибли миллионы. И нельзя строить что-то новое, нельзя дышать, нельзя любить в окружении огромного количества мертвых идолов, расставленных по всем городам и весям отечества, на всех улицах и переулках, площадях и пустырях, в детсадах и школах. Он — тот самый Антихрист, о котором А. Блок сказал в своей гениальной поэме: «В белом венчике из роз...». Антихрист, поправший Христа.

Демонтаж памятников Сталину проходил без свидетелей, ночью, не возбуждая темных инстинктов толпы. Рано или поздно то же самое придется сделать и с памятниками его учителю.

И похоронить бы Ленина надо по-человечески. Предать наконец земле его останки, столько лет бесстыдно выставленные на всеобщее обозрение. По-христиански похоронить раба Божия Владимира и ... простить. В этом и наше очищение.

Аз воздам.

Надежда ЖИЛЬЦОВА,
учительница,
г. Правдинск,
Нижегородская обл.

ИСТОРИК, ИЛИ СОБАЧЬЕ РЕМЕСЛО

Аркадий КОВЕЛЬМАН,
кандидат исторических наук

Сумерки сгущаются за письменным столом, охватывают Гольяново и перебираются в направлении ВДНХ. Существование временно замирает, переходя в разгул преступности, аномию. Страна делается добычей шпаны, среди которой историки занимают почетное место. Ведь сова истории, как известно, вылетает ночью, дабы обозреть руины нашковой цивилизации.

Вот они спешают за журналистами, эти служители Клио. Вот совлекают одежды с идолов, терзают живое еще тело Системы, осуждающе ухают по-совиному. А кто они такие? Вчерашние опровергатели буржуазных инсинуаций, прочно стоявшие на позициях марксизма. Теперь марксизм им не нравится, он решительно не способен чего-то там объяснить, — и срочно требуется теория для объяснения чего-то там, взамен устаревшего марксизма.

Вы цивилизационщик или формационщик, коллега? — Я цивилизационщик и тем горжусь! И цивилизаций насчитываю ровно три, а субцивилизаций — двенадцать, и все они могут разместиться на кончике иглы.

Поистине собачье ремесло! Столько лет греметь цепью и вдруг со-

рваться с цепи. У кого не закружится голова? Столько лет одни прославляли Систему, другие делали вид, что Система не существует, и забивались в дальние щели минувших эпох. С тщанием невероятным подсчитывали камешки рухнувших еще до потопа стен, когда стены собственного дома угрожающе склонялись над головой.

И все же именно в тени шатающихся конструкций началось оживление Клио. Нашлись слабонервные люди, которые приняли историю всерьез, как свою личную драму. Точнее, свою личную драму, экзистенцию свою, они почувствовали как часть истории, неотделимую от прочих частей.

Столкнувшись с потрясающим фактом, с тем, что история не кончилась до их рождения, но продолжается и имеет прямое отношение к их персональной судьбе, что она не только объект изучения, но весьма опасный зверь, эти люди попытались загнать зверя в клетку. Так родилась теория Азиатского Способа Производства (сокращение — АСП). Под АСП имелся в виду просто-напросто социализм. Но поскольку Маркс приходил АСП уже на Древнем Востоке (и там государство владело всем и

вся), то Октябрьская революция теряла права первородства. Трижды спор об АСП подымался в научном мире. И хотя он имел вполне невинные формы («дискуссия о формационной принадлежности докапиталистических обществ Востока»), власти были настороже. В первый раз Сталин кончил дискуссию по-свойски. Во второй — при Леониде Ильиче — АСП тихо оттеснили. В третий, уже в перестроечные времена, «азиатчики» радостно кинулись торжествовать, но не тут то было. Как только фигу вынули из кармана, она сделалась не нужна. Социализм можно ругать уже открыто, не прикрываясь царством фараонов. И к тому же Способ Производства, даже Азиатский, — понятие марксистское. А марксизм, как мы отметили выше, решительно не способен чего-то там объяснить. Так что, прощай АСП!

Здесь самое время прибегнуть к знаменитой цитате. Лично я встречал ее не менее трех тысяч раз (в последний раз — около года назад). В переводе Холодковского она звучит, помоему, так: «Теория, мой друг, суха, а древо жизни вечно зеленеет». Пастернак перевел несколько иначе: «Теория, мой друг, седоволоса, а древо жизни зелено всегда».

У Пастернака — поэтичнее, но приводят всегда Холодковского, причем без тени иронии, не заглядывая в контекст (в контексте же речь идет о преимуществе медицинской профессии). Нашлись люди, сообразившие, что историю нельзя загонять в клетку истматовских категорий. От этого она бледнеет, худеет, теряет роскошные формы. И эти люди кинулись в объятия культуры.

Ничто не бывает слаще ее объятий! В культуре историк возвращается к себе домой, ибо сам он — часть культуры. Это форма его бытия, его мучения. С фонарем культуры он начал искать человека, душу родную. И по-

явились блестящие книги, памятники эпохи, книги о муках человека. Вот он стоит, этот человек, перед прокуратором или префектом. Он не грубый крестьянин, из тех, что гордятся следами от плетей, как воины — шрамами, полученными на войне. У него мощный ум и тонкая кожа. Но здесь, на Востоке, личность беззащитна перед властью. Тело человека, корпус его не защищены. Его внутренности, его теплое нутро обнажены перед смертной мукой. Как сохранить достоинство маленького человека в Империи Зла?

А вот некто знатный, богатый, в сенаторском звании. Его не распнут на кресте, но у сенатора свои заботы. Должен ли он служить императору, если император — тиран, но способный администратор? Что дороже — счастье отечества или личная порядочность? К тому же и режим какой-то уродский: все враги давно в могиле, но террор продолжает нарастать.

...Да простят мне авторы этих книг такое понимание их мыслей. Не буду называть их имена — имена живых. Назову имя историка, дважды ушедшего от нас, — сначала в Израиль, потом — в смерть. Дневники Виталия Рубина опубликованы. И видно, как из жизни внутри Системы рождаются мысли о Конфуции и даосах, как легизм и сталинизм проясняют друг друга, как Китай начинается там, где начинается Россия.

Речь не идет о вульгарной «модернизации» (грех самый страшный в касте жрецов науки). Не для аналогии в тексте. Это кровь горлом выходит на лист бумаги, а иначе не будет ремесла, иначе — игра в бисер. Древние требовали от историка знания жизни, опыта политика и полководца. Уж если ныне созерцание и деятельность превращены в профессии и стали чужды друг другу, пусть хоть душевная работа заменит вождение боевых кораблей.

Впрочем, есть и еще путь к великим книгам. Можно уйти в чужую культуру, как на Таити, найти там отдых и праздник. Это путь романтиков, возлюбивших Средневековье, путь Гогена, яркая живопись с укороченной перспективой. Историк мучается в своей жизни, своя жизнь задает трагические вопросы, но в Средних веках и на Таити на них есть иные ответы. Там все другое. В ином направлении движется время, иные страсти движут людьми. Та культура не может быть судима по нашим меркам. Она имеет право на людоедство, право, охраняемое 1-й статьей устава Всемирного союза антропологов, каковая гласит: «Все культуры равны между собой».

Равны, конечно, равны! И равенство в том, что все они смертны, конечны, все замкнуты в собственном мифе, в своем уютном мирке. История же гораздо больше их. А за историей стоит и вовсе бесконечная вещь — таинственный Абсолют. И между конечностью культуры и Абсолютом истории из века в век нарастает конфликт. Идет суд над эпохой, цивилизацией, культурой: не за отрубленные руки и ноги, не за слезы рабов и суету господ, а за неспособность отказаться от всего этого. В попытке достичь Абсолюта раздвигают пространство, строят империи и продляют их срок до тысячи лет, но конец непременно приходит. Где-то рядом с бегущими веками стоят на месте абсолютные ценности, на которые рано или поздно культура напарывается, и, как Титаник, идет ко дну. Наступает момент невыносимости, нетерпежа, апатии. Что дальше: нашестие варваров, революция, экологический шок?

Историк же и есть не кто иной как инкарнация, воплощение Абсолюта, насколько вообще грешный и слабый человек способен принять на себя эту роль. Он вечности заложник у времени в плену. В каждом изучаемом вре-

мени он — представитель вечности хотя бы потому, что знает конец эпохи, как критик знает конец прочитанного романа. Но он в плену и у собственного времени, конец которого ему не дано предугадать. Отсюда способность историка жить в чужих культурах и оживлять их для собственной: в себе самом он переживает конфликт между веком и Абсолютом, заставлявший корчиться и римского сенатора, и иудейского проповедника, и китайского мудреца.

И именно потому, что сова его вылетает ночью, что милы ему закрытые лавой и пеплом города, абсолютно свободные от бега времени и доступные для раскопок, именно потому историк ненавидит народную память и на каждом шагу попирает ее. Память есть миф эпохи, она до предела конечна. Уходит эпоха, умирает ее память. В памяти содержится все то, что общество любит и привыкло вспоминать. Вот маленький иконостас: тепленькая компания святых. Вот злодеи, подлые и жалкие. Вот героические битвы. У советского народа была прекрасная память; над ней то и ругаются очернители. Хуже того. Если бы просто ругались — полбеды. Сумятицу вносят. Вчера Бухарин — мерзавец, сегодня — святой, завтра, кажется, опять станет мерзавцем. За этой колготней великие герои типа Чапаева или Щорса как-то вообще ступшевались.

Это клевета, что большевики отшибли у народа память. Просто одну память они заменили другой. А вот истории от них действительно досталось на орехи. Похоже, что и сейчас история может сыграть в ящик — сочинят новую память, внесут Столыпина в святцы и будут жить — до очередного столкновения с Абсолютом.

Память — комфорт культуры. В ней действует закон «вытеснения». Все неприятное вытесняется в подсо-

знание: поражения в войнах, бесчинства черни, лицемерие пастырей и невежество паствы. «Вытеснение» — залог здоровья и силы. Нельзя же непрерывно мучиться тяжкими воспоминаниями. Нельзя и настоящее переживать чересчур серьезно. Лучше вспомнить минувшие дни, устроившись пировать где-нибудь у берега.

Никогда, наверное, не любили так вспоминать на Руси, как во времена застоя. Время измерялось юбилеями. Площади называли именем годовщины. Площадь 50-летия Октября! Это память во второй степени. Во-первых, память об Октябре, а во вторых — об его 50-летию. Тут уже не до современности. А бесчисленные воспоминания под копирку? А кинолетопись побед?

Но у памяти есть и ночная сторона. Это подсознание, куда, как в унитаз, спускается всякая боль души. Там копятся пласты динамита, запасы ненависти, липкой и горячей. И наступит день, когда рухнут кумиры и будут втопты в землю. И не ждите тогда «объективной оценки». Бог станет дьяволом, а дьявол — богом. И разведет руками немецкий коллега: «Господа, может, и слово «социализм» у вас уже нельзя произносить? Тогда я прошу прощения». Поистине, не то оскверняет память, что входит в нее, но то, что из нее выходит.

С бедной Клио все совсем иначе. Здесь действует не вытеснение, но сублимация. Неприятные ощущения компенсируются творчеством.

Историк горько жалуется и горько слезы льет, но не смывает печальных строк, не вытесняет их в подсознание, а с каким-то мазохистским упорством чертит все новые и новые. В этом смысле он действительно творит без гнева и пристрастия, *sine ira et studio*. Что вынудило Иосифа Флавия написать «Иудейскую войну», каждая

строка которой сочтется болью? Зачем в самый разгар поражений 1941—1942 годов академик Тарле писал «Крымскую войну» — печальный список бездарных деяний бездарной власти? Оба автора винули во всем свой народ, своих вождей, а не римлян, британцев, французов...

Историк — профессиональный предатель. Он предает бумаге позор своей страны, своего сословия, свой собственный позор. Ибо в облике людей, умерших два тысячелетия назад, он с омерзением узнает себя самого. Но тем самым он как бы очищает и себя, и народ, и сословие, просветляет их облик и завоевывает им любовь читателя. Ницше делил историю на критическую и апологетическую: одна любитесь прошлым, умиляется старым камням, другая — сладострастно крушит. Позволю себе не согласиться. Поскольку речь идет о корифеях, они и крушат, и любятесь одновременно.

Работа эта крайне вредна для здоровья. Шуточное дело — быть в плену у времени! Да и плен поэта куда легче. Поэт может жить без библиотек, архивов, работы по специальности. Историк — совсем другое дело.

Пушкин в качестве поэта вполне мог сохранить независимость. Он и пытался это сделать, попросив у царя отставки с должности камер-юнкера, каковая, по его собственному признанию, делала из него шута. Но забыл Александр Сергеевич о своих исторических интересах. А царь помнил. И пригрозил Пушкину через Бенкендорфа воспретить допуск в архив. И смирился поэт. Попросил прощения. А если бы не история, уехал бы он в деревню. Не было бы ни бала, ни дуэли, ни мучительной смерти от раны в живот. Потому что история — собачье ремесло, что и требовалось доказать.

ДУРАК ОШИБАЕТСЯ ДВАЖДЫ

*«Демократы разбежались,
реформаторы ушли
в кусты» (из драматических монологов
наших дней)*

Диалог публициста Людмилы САРАСКИНОЙ и
писателя Александра КАБАКОВА

Л. С. Хочу обратить Ваше внимание, что наш второй диалог, как и первый, год назад, вновь проходит в канун революционной годовщины. Не потому ли обе беседы получили редакционный подзаголовок: «Нереволюционные речи?»

А. К. Разумнее было бы обозначить их как «Контрреволюционные речи».

Л. С. Может быть. Во всяком случае, мы вновь будем говорить о людях с революционным синдромом. Помните мысль из «Бесов»: «Аристократ, когда идет в демократию, обаятелен?» Обратная сторона этого феномена — большевик, пришедший сегодня в становящуюся демократию. С чем он пришел, чего хочет, как совмещает свой прошлый опыт и новую идейно-политическую ситуацию?

Скажу кратко о своих наблюдениях. Помню, как в начале нынешней революции, то есть перестройки, многие из них, как бы желая отмежеваться от своего прошлого, публично и громогласно заявили — на разные лады: «Мы вам лгали». Дескать, вот раньше были вынуждены хитрить и ловчить, притворяться, будто верим в опостылевшие догмы. Но пришло время, мы стали другими, и теперь постараемся говорить правду.

И они стали произносить новые

тексты. Но было ли это правдой? Думаю, что вряд ли. Это не было ни покаянием в прежней лжи, ни попыткой подлинного обновления, а решением во что бы то ни стало «сохранить лицо», хорошую мину при плохой игре. Игра же была чем-то вроде аукциона на понижение. Вспомните анекдот про «дважды два»: весь мир знает, что дважды два — четыре, а у нас принято считать, что тридцать девять. Но вот приходят новые люди и, пытаясь «прорваться к правде», начинают играть на понижение. В ход идут другие цифры: не тридцать девять, а двадцать восемь, затем семнадцать. И когда им говорят, что семнадцать тоже ложь, они возражают: но ведь это ближе к правде, чем тридцать девять. Поэтому такую «правду», которая хоть немного дальше от очевидной и прописной лжи, они считают своим духовным завоеванием. Все эти пять лет мы наблюдали в большинстве случаев не преобразование умов, не просветление душ, а постепенное конъюнктурное снижение уровня неправды. При этом участники аукциона считали, что ведут общество вперед, по пути к прогрессу, к демократии. А на самом деле оно не шло вперед, оно просто возвращалось к какой-то искомой ци-

фре как к истине, как к здравому смыслу. Я пока не буду касаться содержания этой истины. Я лишь хочу зафиксировать, что постепенное возвращение к здравому смыслу на каждом отдельно взятом участке пути все равно оказывалось неправдой. И все отговорки, будто «нельзя сразу сказать всю правду», «нельзя обрушивать на человека столько откровений», обернулись кризисом доверия. Те, кто пришел повернуть идеологический руль, оказались банкротами, лжецами уже в это, перестроечное время. Не в этом ли феномен большевизма, пришедшего в демократию?

А. К. А мне сейчас важнее вопрос сколько же на самом деле дважды два. Вот это самый главный вопрос. Сколько на самом деле дважды два? Четыре?

Важность этого ответа особенно чувствуешь на Западе. Там в культурной аудитории примерно половина левых, мне глубоко чуждых. Я их не приемлю с гораздо более искренним чувством — как ни странно, — чем наших! Наш родной большевик, который от другого большевика в свое время, может, 15 лет лагеря схлопотал за то, что не вовремя и не за то проголосовал, сегодня за макаронами стоит. Расплачивается опять. А вот их большевики, их левые у меня вызывают чудовищное раздражение. Потому что есть же простой выход: ребята, возьмите билет (это очень дорого, но можно заработать) приезжайте сюда и здесь оставайтесь, в нашем царстве вашей победившей справедливости. Здесь и живите! Никто из них, почему-то, сюда не спешит. А там, сидя в интеллектуальной аудитории — в тепле, с пивом — они говорят: ну, неужели ваша революция вам ничего не дала? Вашему народу? Это лживая, на мой взгляд, по высшей нравственности, позиция. Потому что если тебе так нравится, давай,

даже не к нам, у нас ревизионистский путь победил, а давай к Ким Ир Сёну или к Кастро. Там все в порядке, там идеалы чисты. И живи там. Получишь талон на четыре метра сатина в год — и гуляй. Но они не едут, они там, в проклятом буржуазном, по сытому обществу выступают. Доказывают, все-таки, что дважды два — сорок! И, это, замстьте, интеллигенция.

А мы теперь говорим: нет, мы точно выяснили, что дважды два — четыре. И постепенно оказываемся в который уже раз! — в изоляции. Особенно я, с моим консерватизмом, с моей абсолютной приверженностью традиционным буржуазным идеалам. И такие, как я.

Вот почему мне сейчас интересно: сколько же на самом деле дважды два? Четыре, — то есть буржуазно-демократические ценности, традиционные ценности буржуазного индивидуализма, свободы и т. д., или какие-то социализированные? Мы это должны решить здесь, для себя, в принципе прояснить свои отношения с социализмом — иначе нам с цивилизованным миром не договориться. Надо сначала понять друг друга с нашими социалистами. Или, как они себя называют коммунистами...

Л. С. Люди, которые утверждали: «мы вам врали, а теперь говорим правду», должны себе отдать отчет, играли ли они свою игру сознательно или просто заблуждались. Я готова рассмотреть оба варианта: что они заблуждались и что продолжали лгать сознательно. В случае, если они заблуждались, мы приходим к очень печальному выводу. Тоталитарная система действительно может самых лучших, самых умных людей довести до полного умственного иступления, настолько задурманить им голову, что они даже не в состоянии сопоставить факты. Сейчас разговаривать с «недавно прозревшими» большевика-

ми смешно и грустно: не будут же они отрицать, будто никогда не читали своими глазами труды своего вождя Ленина или документы по истории своей партии. Стало быть, их «заблуждения» — это не сознательная ложь, но сознательное нежелание раз-обратиться в правде, сознательное нежелание мучить себя этой правдой. Значит, к перестройке наши больше-вики, устремившиеся в демократию, пришли как слепые котята. Но котята крайне самолюбивые, амбициозные и нашкодившие, в чем ни за что и ни-когда не признаются. Такие люди не станут мучаться «проклятыми вопро-сами», и живут они не для того, что-бы «мысль разрешить», а для того, чтобы при любой погоде быть на плаву и на виду. Я уж не говорю о тех, кто сознательно лгал,— об ар-мии обществоведов-профессионалов, обслуживавших режим. Аристократ, прошедший в демократию, обаятелен. Но это уже история. А большевик, пришедший в демократию, за редким исключением, отвратителен — и это наше настоящее, это сегодняшний день.

А. К. Так сколько же все-таки будет дважды два? Потому что мы перешли к серьезному, вроде бы.

Л. С. «Дважды два» — это не образ мира. Это не описание истины и не модель будущего. Арифметика неприменима ни к человеческой природе, ни к истории, ни тем более к буду-щему. И когда я говорю про «дважды два», я имею в виду те конкретные события, факты и комментарии к ним, которые большевики, пришед-шие в демократию, подавали не с точки зрения истины, а с точки зрения своего имиджа: как бы это пластичнее обрести «человеческое лицо», не утра-тив ни грамма из приобретенного на большевистском поприще. Вы посмо-трите, кто сегодня развенчивает марксизм? Кто возглавляет симпо-

зиумы по религиозному возрожде-нию? Вчерашние методологи истмата и преподаватели атеизма. Это и есть сфера, где дважды два — четыре, все эти спекуляции с «импульсом Октяб-ря», «социалистическим выбором» и т. д.

А. К. Мне кажется, что сейчас фено-мен революции уже достаточно ясен в нравственном аспекте. С революцион-ми разбирались, разбирались, и за этот год разобрались вроде. Отноше-ние к революции почти однозначно негативное у всех людей, кто имеет вообще привычку выработать свое отношение. Все это зачеркнуто жир-ной чертой. Большевикам уже никто не верит. Но дальше-то надо писать не с пустого места? Нету другой исто-рии, кроме той, которая есть. Ее не-льзя отрицать — но, главное, не обя-зательно бродить бесконечно по ее тупикам. Сегодня я говорю: истинны только моральные ценности, запове-данные от Бога. Человеку необходи-ма свобода, свобода во всем: в эконо-мике, в политике, духовная свобода и т. д. Мои оппоненты говорят: очень хорошо, но тогда это свобода и для злых и жестоких торгашей... И начинается все сначала. И они, где-нибудь в Дюссельдорфе или Копенга-гене, начинают мне рассказывать по-литэкономии капитализма по Марк-су. Что я могу на это возразить? Тем более, что мы еще не успели вступить даже в период первоначального нако-пления — а мы должны в него вступить.

Л. С. А я хотела задать встречный вопрос. Все-таки люди, которые при-шли в демократию с таким искале-ченным сознанием, с таким низким уровнем правды, ведь они сейчас представляют власть в нашей стране. Они и только они, и других нет. Я не знаю всех механизмов теневой эконо-мике, не знаю, кто именно и за кем стоит, но уверена — там тоже люди с

большевистским сознанием, с партбилетами и с хватательным инстинктом на первом месте. Как они пользуются демократическими ценностями? На что они их употребляют? На чье благо?

А. К. У меня сейчас такое ощущение: возникла новая методика жизни. Если раньше большевик, пробившийся в секретари обкома, свою жизнь строил по методике, продиктованной этим своим партийно-феодалным положением — этого было достаточно. Теперь большевик, пробившийся в секретари обкома, если он не идиот, уже строит свою жизнь по другой методике. Он использует это свое положение для того, чтобы вступить в совместное предприятие, где-то найти способ использовать свое служебное положение для обогащения. У него уже в уме возникает индивидуалистическая схема жизни. Дурная, продиктованная ему дурными обстоятельствами — но индивидуалистическая! Не казарменно-коллективистская...

Если мерить историю чисто этическими мерками, то основное преступление сталинизма — это насилие. Там не было других преступлений, если, на самом деле, глубоко задуматься над сталинизмом. Тотальное насилие определяло жизнь общества: угроза убийства. А нынешняя ситуация, вышедшая из брежневизма. — нарушение всех заповедей, какие только есть. И «не убий» нарушается по-прежнему, но стала нарушаться и «не укради». Ведь возрождающаяся индивидуалистическая система жизни — она всегда в основном нарушала заповеди «не укради», «не пожелай»... Заповеди будем так говорить, экономические. У меня, может быть, очень кощунственный и не ортодоксально-христианский взгляд, но для меня существует иерархия заповедей. И самая важная для меня заповедь — «Не

убий», против насилия. Сейчас она — почему я и сторонник перестройки — у нас нарушается меньше, а что стали нарушаться остальные — «не пожелай», «не укради» — что ж, они для меня чуть ниже стоят в иерархии запретов. А что нарушаются... ну, переходный период, ничего не сделаешь.

Л. С. Меня пугают слова «переходный период». На моей памяти было столько переходных периодов от чего-то к чему-то, что сложилось представление, будто мы никогда не жили — мы все время переходили. Даже в структуре пятилетки у нас были какие-то начальные года, решающие года, итоговые года, результативные года и т. д. Но не в этом дело. Давайте вернемся к людям, пришедшим в демократию.

А. К. И к самой демократии.

Л. С. Конечно. Но у нас нет демократии. И не о чем говорить поэтому. Можно говорить лишь о тех людях, которые причисляют себя к демократам чисто организационно. Это и народные депутаты демократической ориентации, это и средства массовой информации, это и мы с вами.

Давайте посмотрим сами на себя и на то, чем мы являемся. Мы — это значит люди, которые провозгласили приоритет демократических ценностей и как бы олицетворяют позитивные перемены. Грустно мне сегодня говорить о приоритетах нашей демократии и демократов — не всех, конечно, но, к сожалению, весьма многих. Тех, чья общественно-политическая жизнь — это двухнедельный промежуток между поездками (куда угодно, лишь бы позвали), в течение которого надо успеть, во-первых, оформить новые визы и билеты, во-вторых, выступить по ТВ, в-третьих, изложить по телефону для газеты свою точку зрения по любому вопросу, в-четвертых, мелькнуть раз-два на депутатских собраниях и хоть раз по-

стоять у микрофона — чтобы засвидетельствовать свое участие и присутствие. За исключением тех, кто, взвалив на себя какое-то конкретное дело, несет за него конкретную ответственность, остальные говоруны — это рантье, стригущие купоны депутатского статуса, уверенные, между прочим, что судьбы страны решаются не дома, а на европейских конгрессах.

А. К. Считайте, что я сказал более жестко, но я скажу так: они не щепетильны. Мне очень неловко, но приходится говорить, отталкиваясь от своего опыта, потому что другого нет. За всю свою достаточно долгую жизнь я не воспользовался никакой услугой власти: от получения квартиры до бесплатной путевки. Считаю, что и сейчас, какой бы ни была эта власть, пользование ее услугами ставит человека в зависимость. Если эти люди, депутаты и проч., летают за свои деньги, в свое время, то никого это не касается. Если же они летают за счет власти, это уже плохо.

Понимаете, с властью у прилично-го человека должны быть очень сложные взаимоотношения. Власти надо бояться, бояться принимать что бы то ни было от нее. Власть даже даме не может пальто подать. Если джентльмен даме пальто подаст, он за это потом не потребует переспать. А власть подаст пальто — она потом за это всего попросит: у нее представления о джентльменстве другие. От власти нельзя принимать ничего.

В нормальном обществе все боится принимать блага от власти. На Западе считается очень завидным материальное положение государственного чиновника: большая пенсия обеспечена, не уволят, безработица не грозит и т. д. Но при этом в чиновники рвутся только определенные категории — в основном обездоленные социально. Все прочие предпочитают

рисковать в частном бизнесе. Победишь — денег больше, не победишь — прогорел, но в любом случае независим! С тебя потребуют ровно столько, сколько заплатили. Власть же всегда требует чуть больше, чем заплатила. Потому что у нее в руках система наблюдения. Ты начинаешь ей принадлежать, как только принял от нее подачку. Наши же демократические ребята не стесняются от нее принимать...

Быть народным депутатом — это вообще весьма рискованное занятие для независимого человека. «Зависеть от царя, зависеть от народа...» Мне не хотелось бы зависеть и от народа. Они согласились зависеть от народа — ну хорошо. Но зависимость не должна быть зависимостью раба. Рабы — нечестны, рабы не могут быть честными. Раб всегда приворовывает, присачковывает. Народ отвернулся — а они на казенные деньги куда-нибудь ближе к Гвадалкивиру, народные судьбы решать, от голосования сачкануть...

Это не демократы. Это вольноотпущенные рабы.

Л. С. Это, так сказать, уже второй момент. То, что раб при хозяине использует все возможности, все льготы и все привилегии на полную катушку, новая властная структура только подтвердила. Но все-таки, хоть раб, хоть вольноотпущенник, хоть народный избранник, они должны служить, работать.

А. К. Раб не служит, никогда не служит добросовестно. Он ворует и сачкует. Хозяин отвернулся, надсмотрщик отвернулся, народ отвернулся — он спит. Надсмотрщик посмотрел — он делает вид, что работает. Отвернулись избиратели — избранники слиняли в Америку. Посмотрели избиратели — избранники устроили скандал на сессии под демократическими лозунгами. Или под

антидемократическими — неважно. Они работают, когда на них смотрят. А если не смотрят, и еще «Советская Россия» не влезет — слинять! Святое лагерное, рабское дело — слинять вовремя.

Причем чисто советское — это наше нынешнее рабство психологических установок. Русских не называли рабами. Их называли крепостными, это очень точно. Потому что они были не свободны, но освящены христианством. Христианин христианина не может считать совершенно не человеком, то есть рабом. А мы и нехристиане, и, при этом, несвободные. Но нехристиане и несвободные — это и есть рабы. Все ясно.

Л.С. Мне не все ясно. Я все-таки хочу понять, есть ли у нашей элитарной демократии мотивы благородные, мотивы служения — в пушкинском смысле этого слова? Есть ли намерение лично что-то сделать? Помочь хоть одному человеку? Вот сейчас демократию упрекают в том, что она воспроизводит черты русской либеральной интеллигенции накануне октябрьского переворота. Самовлюбленность, желание покрасоваться, громче всех прошуметь. И все это в сочетании с абсолютной беспечностью, легкомыслием и безответственностью. Как говорил Бунин, с таким праздничным отношением к трагедии. Корректно ли такое сопоставление?

А.К. Я буду стоять на своей — быть может, эпатирующей точке зрения. Я не вижу ничего дурного в том, что люди, даже во время трагедии, хотят жить празднично. Хотят взлететь, сделать политическую, профессиональную и любую карьеру. Нормально это. Ограничителем человека в таких побуждениях — нормальных побуждениях — может быть только вера, только религиозная вера. Всякая другая — в коммунизм, в пере-

стройку и т. п. — это дьявольская вера, это зло. Но человек грешен. Он может быть верующим, но он грешен, и ему свойственны греховные человеческие побуждения — тщеславие, жажда карьеры, жажда успеха. Нормально! Что ж ненормально в этих людях, о которых мы говорим — в советских демократах? Почему у них жажда успеха не сочетается с общественной пользой, расходуется? Может, потому, что греховные побуждения верой не ограничены, не пресекаются?

Л.С. Во всем мире люди, делающие карьеру, вносят свою лепту в преуспеяние всего общества. А у нас нет. У нас по мере роста, известности, популярности и фейерверочности бытия отдельного политика общество деградирует в целом. Будто сумма усилий преуспевающих демократов, людей, известность которых становится все грандиознее и грандиознее, приносит ничтожные, отрицательные результаты. Уже «есть мнение»: общество деградирует в результате деятельности этих «звездных людей».

А.К. У меня есть предположение. Чем, на мой взгляд, отличается в лучшую сторону западное общество от нашего? Оно построено, как ни странно, на не идеалистических — в дурном смысле — началах. Идеализм — в смысле мифа. Если там человек в своих тщеславных устремлениях входит в противоречие с благом общества, он обречен на успех. Так устроено то общество, таков механизм. Об этом у нас неглупые люди говорили давно: пусть она мне улыбается за деньги — про западных продавщиц. В жизни не должно быть места подвигу. Пусть народный депутат ездит за границу в казенное время и на казенный счет. Но пусть это и кончится тем, что ему не нужно будет туда ездить, потому что он перестанет быть народным депутатом.

Л. С. Ну а совесть, скажите?

А. К. Для меня совесть — понятие религиозное. Совесть большевистская — это на уровне анекдота: что такое: маленькое, черное и всегда спит? Это большевистская совесть. Значит, они не сдерживаемы ничем. А естественные человеческие побуждения — жажда успеха в любом деле. И не совестью в благоустроенном обществе это должно сдерживаться, а нормальной обратной связью: будущее нехорош для людей — будет плохо тебе.

А. С. А как вы относитесь к тезису, который я неоднократно слышала, будто наша демократия потому так хромает, что на самом деле не имеет власти, что ее властное положение фиктивно и иллюзорно?

А. К. Вы понимаете, это смешно. Это мне напоминает воспитательную беседу: вот Гайдар в 16 лет дивизией командовал, а ты двойку из дневника стер. Это вздор! Это не пример. Ведь можно и наоборот прочитать: он дивизией командовал — он сотни людей убил, а ты всего-навсего двойку из дневника стер. Я бы так поставил вопрос: слава Богу, что наши демократы пока дивизиями не командуют, а только двойки из дневника стирают! Когда они получат власть, они почувствуют ее ответственность?

Но ответственность — это не из их области — для этого надо иметь другую нравственность: нравственность, основанную на истинной вере, либо нравственность, основанную на истинном страхе потери власти. Страхе потери этих возможностей, которыми они располагают. Но нету соответствующего механизма. Общество стоит вот на чем: мы Ельцина любим, он — хороший. Мы верим, что он хороший, поэтому он все сделает хорошо. А любому человеку, который верит, что Ельцин обязательно

все сделает хорошо, всегда хочу задать один вопрос: скажите, пожалуйста, зачем он делает все хорошо? Он что, святой? Нет, он явно не святой, он не святую жизнь прожил и продолжает ее жить. Но не святому, чтобы быть хорошим, должно быть выгодно быть хорошим! Где механизм этой выгоды? Я по образованию математик. Так вот, у меня вопрос: здесь отрицательная обратная связь или положительная? Увы, в нашем обществе, при Сталине, как и при Ленине, как и при Иване Грозном была только положительная обратная связь. И сейчас — положительная обратная связь: чем сильнее власть, тем она еще сильнее. Чем еще сильнее, тем еще сильнее. Неважно, хорошая, или не очень, важно, что сильная, любимая. А должна быть отрицательная обратная связь: чем сильнее власть, тем она слабее, тем больше ей противодействия.

Л. С. Уже все поняли, что демократия, которая выламывается из тоталитаризма, несет на себе все его уродливые черты. Уже все увидели, что демократы, перекрашенные из большевиков, тоже несут на себе печать своего первоестества. Можно, конечно, возразить: бедные, несчастные большевики служили не Богу, а дьяволу. Но теперь можно послужить и доброму делу, почему же им не попробовать? Возможно ли это в принципе? Когда мы создаем демократию из тоталитаризма, мы видим уродство созданного плюс некоторую надежду на лучшее. Есть ли что-либо здоровое во всем этом, жизнеспособное? Иными словами, есть ли какая-то специфика в положении нашей демократии? Специфика, которая как-то роднила бы ее с нормальной демократией или с национальной почвой: или какая-то другая, но обладающая специфика? Ибо будущее нынешней демократии, если в ней

нет больше ничего, кроме родимых пятен большевизма, вполне безнадежно.

А. К. Для меня это и серьезный, и сложный вопрос. Почему вдруг в недрах недемократии возникает демократия? Я думаю, вот в чем дело: демократия — это устройство общества сильными людьми. Эти люди: а) отказываются от того, чтобы их опекали, в то время, как для слабых — самое главное, чтобы их кто-то опекал; б) понимают, что самого сильного по силе не определишь — только переделутся все, а для слабых необходим самый сильный. И сильным ничего другого не остается, как между собой договориться. Это и называется общественным договором.

Так вот, в недрах нашей недемократии в тоталитарной системе выплыли сильные люди, достаточно образованные, опытные, которые поняли, что свернуть друг другу шею — себе дороже, лучше уж демократия, общественный договор. То есть, я думаю, что у нас возникла первоначальная, ранняя демократия — олигархическая демократия, демократия людей сильных, вышедших из недемократии. Это — начало демократического процесса. Правда, начало с очень плохим человеческим — прошу прощения за то, что повторяю это ужасное выражение — материалом. Нынешние олигархи только что ими стали. Отсюда и дополнительные издержки.

Л. С. Вы считаете, что нашу демократию образуют вышедшие из тоталитаризма люди плюс их ухудшенные человеческие качества в силу ухудшения человеческого фонда?

А. К. Да, именно так.

Л. С. Но тогда мы должны сделать жесткий вывод, который приближается к дважды два. Мы живем на земле, а не в раю, с грешными людьми, которые несут на себе грех прароди-

телей. Дурных, жадных, злых полно везде, независимо от того, живут они в хорошо или плохо организованном обществе. Люди расчётливы, эгоистичны и корыстны; и хотя нормативная мораль считает эти качества скорее негативными, с ними следует мириться. Помните: «Нельзя возлюбить другого как самого себя. Я препятствует...» Но опыт жизнеустройства цивилизованного мира свидетельствует: эгоизм отдельного человека, его себялюбие и даже корысть не ослабляют общество, а укрепляют его. Как ни дико для нашего сознания звучит эта мысль, но сейчас нужно бояться людей, которые декларируют приоритеты общества перед личностью. Я уже не доверяю тем, кто сильно болеет за счастье народа. И мне придется выговорить противоестественные для христианского мышления слова: люди должны желать добра прежде всего себе. И заботиться о себе лично прежде всего.

А. К. Под каждым словом подписываюсь.

Л. С. Но чем отличается желание добра себе лично от того рвательства, от той безрассудной жадности, от той вопиющей нахрапистости, которую мы видим у тех, кто дорвался до благ? Это и есть ответ, искомое «четыре». Люди, желающие себе добра, должны понять: самая большая опасность для их благополучия таится в тех, кому не повезло. Человек, которому хуже, чем тебе, не может спокойно смотреть на твое благополучие. Не может! Это выше человеческих сил. Зависть — это чувство исконное, оно, как и зло, находится рядом с добром, бок о бок. Его нельзя искоренить, его можно только немного успокоить. Значит, человек, который делает благо себе, всегда должен помнить о тех, кому хуже. И для того, чтобы ему было хорошо — только из этих соображений (если нет

других, высокоуманных) — он должен, обязан добиваться блага для общества. Таким образом, чем лучше будет становиться ему, тем лучше должно становиться несчастным. Когда русский барин-аристократ получал наследство, он первым делом одевал дворню. Ибо если лакея оставить оборванным, хозяина будут осуждать гости. Это, может быть, слабое сравнение, но оно хоть в малой степени описывает то «четыре», как я его понимаю. Если человек желает добра себе, он обязан заботиться, чтобы в его округе все несчастные были устроены, имели место и кусок хлеба. Если он не будет смотреть в эту сторону, он сильно рискует. Во имя социальной справедливости в один прекрасный день усадьбу с землей сравняют, библиотеку сожгут. «Идут мужики, несут топоры — что-то страшное будет» — вот лозунг революционной ситуации 60-х годов прошлого века.

Значит, оптимальный вариант, до которого общество цивилизованное уже дошло, чем выше уровень жизни, тем больше пособие для безработных. Чем выше уровень жизни, тем больше перепадает всем несчастным, слабым, неудачливым. А такие — при любом строе — никогда не переведутся. Отсюда заповедь: неустанно заботься о своем собственном благе, но оглядываясь на несчастных и спеши делать добро; помни: кто не работает, тот все равно хочет и должен есть. Отсюда главный тезис социального страхования, предотвращающего глобальные бедствия: идя наверх, смотреть под ноги. Психология на уровне «пусть неудачник плачет» губельна именно для счастливого; этот бедолага-удачник рано или поздно накличет на себя гнев «народных мстителей». И все пойдет по старому кругу.

А.К. Поскольку я целиком согласен

с этим, то получается, что мы с вами твердо и безоговорочно встали на позиции мировой социал-демократии. Что, я думаю, для вас является полной неожиданностью.

Л.С. Я размышляю в категориях социального суеверия, а не в терминах социал-демократии.

А.К. Думаю, это является до какой-то степени и для меня неожиданностью, — правда, кое над чем из этого ряда я в последнее время размышлял. Прежде, когда мне начинали петь сладкие песни про социал-демократию, у меня складывалась брезгливая мина, я всегда считал себя традиционным буржуазным консерватором. Но, оказывается, что достаточно иметь немножко ума, как понимаешь, что позиция твердого консерватора очень неустойчива, опасна, хотя, на мой взгляд, и справедлива. И приходится считаться, заключать союз с социал-демократией — ничего не поделаешь, весь мир наша жуткая революция научила. А мы опять рвемся в жестокий, беспощадный и чреватый кровавым бунтом слабых примитивный индивидуализм, — что, просто по глупости нашей? Или, может быть, без почти зоологического отношения к слабым на цивилизованный уровень и не подымешься?

Л.С. То понимание добра и социального благополучия, о котором у нас идет речь, диктует не рабское, не из-под палки, а свободное служение обществу. Должна измениться сама психология служения обществу: нужно заниматься делом, не потому что Горбачев смотрит в мою сторону, а потому, что, манкируя своими обязанностями, я поджигаю стул, на котором сижу. Служение общественному благу становится категорическим императивом человека, желающего добра себе лично! Вот формула, которую я бы сравнила с «дважды два».

А.К. Правильно. Осталось некото-

рые слова назвать. Что для осуществления вашей формулы нужно? Для этого нужно пройти путь. Путь, который приводит к такому пониманию. Страшно говорить, но... Этот путь — путь жестокости. Это ужасно, но это так. Это тот вывод, к которому я пришел несколько лет назад... Путь жестокости — куда он ведет? Опять мне стыдно и страшно говорить, но я должен: он ведет в царство свободы. Это то, к чему неизбежно необходимо прийти. Иначе ничего не будет. Предположить, что мы можем сразу стать рокфеллерами, которые знают, что 80 процентов прибыли надо вкладывать в развитие производства, 17 — в социальную защиту и только три — в наращивание капитала — идеализм самый дурной. Они к этому пришли в восьмом поколении. А до этого был путь жестокости: работные дома, расстрел рабочих, умирающие с голоду безработные. Все было. Предположить, что мы это преодолеем, что этого вообще не будет? Это прекраснодушие, это мостовая из благих намерений. Так не бывает. Это путь в ад. Единственное, на что можно, я думаю, надеяться — на конец XX века. Нравы улучшаются, страшный путь пройти можно быстрее. Можно и нужно в конце XX века.

Л. С. Не только потому, что конец XX века, можно быстрее. А потому, что мы это делаем уже по второму разу.

А. К. И поэтому. Дураками быть дважды — просто позор.

Л. С. Вот именно: нельзя быть два раза дураками. Нам предстоит сейчас вступить в этап жесточайшего первоначального накопления, грубого и хищнического, молодого и необузданного капитализма времен Диккенса. Представляете? После Достоев-

ского, Толстого и Бердяева, воспитанные христианской моралью нестяжания и коммунистическими представлениями об уравнительной справедливости, со всем этим букетом социальной романтики мы попадаем из иллюзорных дворцов добра и света в ночлежки Оливера Твиста. Так неужели ничего из пережитого, добытого опытным путем мы не сможем учесть сейчас? И снова — очень скоро — услышим: «Идут мужики, несут топоры, что-то страшное будет»? И снова молодая демократия окажется «рыцарями на час» и размывает этот час по Америкам и Европам? Мне страшно только от того, что все это уже было и все повторяется вновь. Наши дураки готовы ошибаться и дважды, и трижды, и сколько угодно раз.

А. К. Нам надо, все-таки, напоследок свои позиции в диалоге разграничить. Единственный способ, по моему, выгрести из ситуации — это знать, что происходит. Иначе, если мы будем уверены, что мы строим безукоризненную, современную, зрелую демократию — это гибель. Мы идем путем свободы. Кровавым, тяжелым, жестоким. Этот путь может быть короче, потому что мы многому научились, потому что мы знаем Гитлера, Сталина, многое поняли, испугались. Все произошло уже с нами, что могло с людьми произойти. Не стоит повторять тупиковых маршрутов. Но и глупо думать, что правильный путь можно преодолеть прыжками. Надо идти медленно, терпеливо, кряхтя, но понимая, — другой дороги нет. Пройти, шаг за шагом. Испытать грех, а не увильнуть от искупления. Как, бишь, нам объясняли — у перестройки нет альтернативы? Не знаю... Но у свободы, думаю — действительно нет.

ДИАГНОЗ...

Главный вопрос, на который пытается ответить вся русская мысль, очень прост: что с нами произошло и почему? Как объяснить деградацию всех сторон нашей жизни, нищету самой богатой страны, духовное и культурное вырождение, тотальную деморализацию общества, социальную прострацию, неспособность выйти из кризиса? И все множество современных ответов на этот вопрос сводится к ужасающе простому: «бес попутал!». — Бесы Достоевского, грядущий хам Мережковского, красные бесы большевизма, бес-Ленин, бес-Сталин, мелкие бесы брежневы и черненко, коварные бесы внутренних врагов, внешнего окружения, «малого народа» и т.д., и т.п....

Эта одержимость бесами, попутавшими Россию, навевает мысль о национальном русском иммунодефиците по отношению к заразным идеям и их носителям. Почему поверхностная, второразрядная философия одной из ветвей неогегельянства заразила именно нас, поразив в других странах лишь горстку экстремистов и фанатиков? Почему в стране затянувшегося рабства идеи национального мессианства были столь заразными, что даже великий Достоевский твердил и твердил: «Константинополь должен быть наш»? Почему нация и ее интеллигенция остались глухими к предостережениям великих мудрецов — от Чаадаева и Гоголя до Бердяева и Федотова? Почему сегодня, еще не выздоровев от коммунизма, столь многие — до академиков и писателей включительно — уже поражены вирусом шовинизма?

Мания преследования (всюду враги!), мания величия (народ-богоносец!), некрофилия, буйность, истеричность, насильственность, беспощадность всегда были клиническими признаками. Ошибочные идеи и людоеды-вожди ничего не объясняют: идеи не мучают и не стреляют, и даже буйный тиран не в состоянии собственноручно уничтожать миллионы, — нет, здесь требуются совместные усилия! Даже ядерными катастрофами в уральском регионе не объяснить взрыва насилия — в Хиросиме и Нагасаки его почему-то не наблюдалось. Значит, причина спрятана в чем-то другом.

В. Войнович спрашивает: если существуют маньяки, беспричинно уничтожающие себе подобных, так почему не существовать маниакальным народам? Конечно, это тоже упрощение. Но вот в чем В. Войнович прав, так это в том, что эпидемия начинается, когда количество вирусов превышает критическое значение.

А у нас действительно плохая наследственность и слабый иммунитет — сегодня даже хуже, чем вчера. Так что вероятность излечения гораздо ниже вероятности возвратной и еще худшей эпидемии.

Разгул насилия, наплевательское отношение к врачам и к диагнозу, неискоренимый экстремизм, синдром молчания ведомого на бойню стада — страшные тому свидетельства...

И. ОНИЩЕНКО,
г. Киев

РЕЦЕПТ...

Диагноз социального туберкулеза или социального инсульта, или социального рака — как вам больше по душе — поставлен задолго до описания симптомов и даже до появления самого вируса заболевания. И поставлен не каким-либо гениальным доктором, а всей совокупной человеческой культурой, ибо во все времена были «реакционеры», предостерегавшие простодушных от соращения влетающими в рот жареными рябчиками. Благими намерениями устлана дорога в ад, предостерегали первые христиане. Прометей опасен для человека, твердили Протагор, Сократ, Платон и Лукиан, как в более поздние времена Кальдерон, Гете, Лепарди и Уайльд. Вождедеющая мысль к телам безжизненным стремится, — твердили Донн, Драйден и стоящий на их плечах Элиот. Дайте человеку что охранять и вы увидите, что он будет тоже консервативен. Не консервативен он потому, что нечего охранять, — заключал Достоевский.

А вот что по этому поводу писал Герцен: «Социализм разовьется во всех фазах своих до крайних последствий, до нелепостей. Тогда снова вырвется из титанической груди революционного меньшинства крик отрицания, и снова начнется смертная борьба, в которой социализм займет место нынешнего консерватизма и будет побежден грядущее, неизвестно нам революцией.»

Вот ведь как: пока революционеры уравнивали грядущее светлое будущее миллионами жертв, «реакционеры» призывали к долгой, долгой работе, к формированию европейски образованных специалистов, а не бесчисленных идеологов, не обременен-

ных совестью. Вся российская культура была одним сплошным предостережением...

Вся человеческая культура — от Платона, Плотина и Блаженного Августина до Герцена, Достоевского и Бердяева — была сплошным предупреждением об опасности появления НАС.

И что теперь?

Альтернатива ясна: дальше — или изгнание бесов, или смерть после агонии, последней кровавой пляски упырей. Но что значит смерть для огромной страны? О, ликов смерти — огромное множество, мы даже не подозреваем, насколько она многообразна: от прыжка в первобытность до торжества еще худших бесов, уже не красного, а иного, например, коричневого цвета. Бедная, несчастная страна: после коммунизма ей не хватает только фашизма...

Единственное, чего она не знает, — что еще одного бесовства ей уже не выдержать, что после фашизма Россию ожидает уже не метафизическая смерть, не экономический коллапс, а самое настоящее физическое вырождение. В конце концов, история человечества изобильна, ее ничем не удивишь — даже массовой идиотией. Мы уже сегодня сталкиваемся не просто с обычным постимперским упадком, а с реальностью физической деградации, которая вполне может прийти в «патриотической» упаковке.

Итак, альтернатива ясна: выздоровление или смерть. А выздоровление значит почти невозможное — отказ от национального мессианства, от классовой идеологии, от утопических химер. Выздоровление означает отказ от всех завлекательных упадков но-

ничества и «передовизны», от ура-патриотизма, от синдрома очастливливания, от всеобщего равенства гениев и идиотов, от бесконечного перераспределения чужого, от спущенной сверху свободы. Выздоровление значит: покаяние, искоренение холопства, отказ от доктрины вражеского окружения и внутренних врагов. Выздоровление значит вековой труд. Упорное и длительное пестование лич-

ности, переход от бреда к современной цивилизации, медленное, но неуклонное вхождение в семью европейцев, отказ от поучений и желание научиться.

Вот, собственно, и все. Последний прыжок в пропасть — либо постоянный труд.

...Оцените свои шансы сами.

И. ГАРИН

...НАЧАЛО

Сегодня, «как никогда», (извините за клише!) обществу нужны положительные, позитивные общественные знания. Положительное знание — знание, на которое можно опереться в реальной жизни, которое делает жизнь по-настоящему положительной, которое действительно позитивно (в отличие от негатива) и содержит в себе адекватную картину нашей жизни, наших связей, наших лиц...

У нас неслыханный опыт, однако отсутствует **опыт осмысления опыта**, и это — одна из трагических наших потерь. А в силу того, что опыт последних десятилетий был по преимуществу разрушительным, то и обладание им бессмысленно, бессодержательно, практически бесполезно. (В исторической жизни, к сожалению, навыки разрушения не требуют для овладения ими обязательной историко-генетической связи и поддержки. Позитивный же опыт, как и позитивное знание, нуждаются в постоянстве, устойчивости, традиции, — и только на основании их способны к обогаще-

нию.)

Наш опыт — опыт «критической критики» — прерогатива философского мышления, который мы распространили сначала на политику, а затем на все общество. Эсхатологическая сторона русского духа сомкнулась, слилась в революционной практике с «критической критикой» и привела к безвозвратному решению: последнему, решительному бою, в котором погибают все и вся.

Мы — в Начале... И Начало само по себе есть уже ступень положительного опыта, и именно из него нам следует исходить в первую очередь сегодня. Поняв это, можно успешно решать практические проблемы.

Исходить из Начала, нашего положительного начала, рождающегося вместе с нами и нашим опытом, — единственное, что мы можем сегодня, если мы хотим продлить себя, жизнь, Мир.

Валентин БАГИНСКИЙ,
г. Киев

Поправка. № 9/90, стр. 44. Автор статьи «Безъязыкая гласность» — Григорий Тульчинский. Редакция приносит извинение за ошибку.

Бюллетень «Век XX и мир» № 2 (на русском языке), ежемесячный.

Напечатано в СССР. Типография изд. АПН. 107005. Москва, ул. Фр. Энгельса. 46.

Сдано в набор 18. 12. 90. Подписано в печать 14. 01. 91.

Заказ 51 . Объем 4 п. л.

Отпечатано в типографии № 6. Тираж 100 000 экз.

ИНФОРМАЦИОННОЕ АГЕНТСТВО

POSTFACTUM

Специализированные издания по экономике, политике,
социологии и праву

ВЕСТНИК АНАЛИТИЧЕСКОЙ и ЭКСПЕРТНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Сборник аналитических и экспертных статей по проблемам экономики и политики в СССР. Все материалы "Вестника PF" содержат данные, результаты исследований и информационные материалы ранее нигде не публиковавшиеся. Основные темы и вопросы, по которым составляется "Вестник":

- исследования рынка, данные об экономической активности и промышленном производстве в стране.
- прогнозы развития событий

- статистика, данные о состоянии общественного мнения в городах и регионах страны.

- комментарии экспертов к новым законам, подготавливаемым актам и ведомственным инструкциям.

- интервью с лицами, принимающими ключевые решения в политике и экономике СССР.

Авторы "Вестника" - ведущие ученые-аналитики и эксперты в области права, экономики и политологии.

БЮЛЛЕТЕНЬ "ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ЭКОНОМИКА"

Информационный бюллетень PF по экономическому праву. Выходит 2 раза в месяц. Каждый выпуск обобщает юридическую практику в различных областях правового регулирования экономики и включает в себя:

- тексты новых нормативных документов союзного и республиканского значения;

- комментарии квалифицированных юристов;

- информация о практике применения новых законодательных актов в экономике;

- тематические подборки комментариев к различным группам нормативных актов.

"ЭКОНОМИЧЕСКИЙ БЮЛЛЕТЕНЬ"

Дважды в неделю агентство выпускает информационный бюллетень PF экономических новостей и обзоров.

Каждый из бюллетеней включает в себя:

- полную текущую информацию о событиях в экономике страны - от высших структур государственной власти до информации отдельных фирм;

- обзоры и комментарии по экономическим тенденциям недели;

- справочную информацию по открывающимся и функционирующим предприятиям, банкам, СП, деловым ассоциациям.

- экономический мониторинг советской прессы;

Материалы готовятся собственными корреспондентами PF, а так же специалистами в различных сферах экономики с привлечением независимых и государственных экспертов.

ИНФОРМАЦИОННОЕ АГЕНТСТВО POSTFACTUM

123308, МОСКВА Хорошевское ш. 41; телефон: 195-1920, телефакс 195-1820

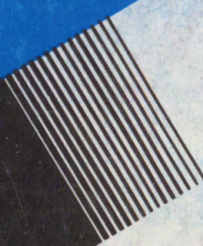
телекс: 411712 POSTF SU, телетайп: 207687 КЛАРЕТ

р/с 467005 в Коммерческом Инновационном Банке НТП (МФО 299112)

корреспондентский счет N 161707 в Центральном Операционном

Управлении Госбанка СССР

По вопросам подписки на издания агентства обращаться по телефону: 255-9341

Основан в 1958 году
Выходит ежемесячно на русском и английском
языках

Цена 50 коп.

Главный редактор
А. БЕЛЯЕВ

□ ВЕК XX И МИР □ □ XX CENTURY AND PEACE □

ВЕК XX И МИР

Адрес редакции:
103009, Москва,
Тверская ул. 16/2,
тел. 200-38-07

Индекс 70188

